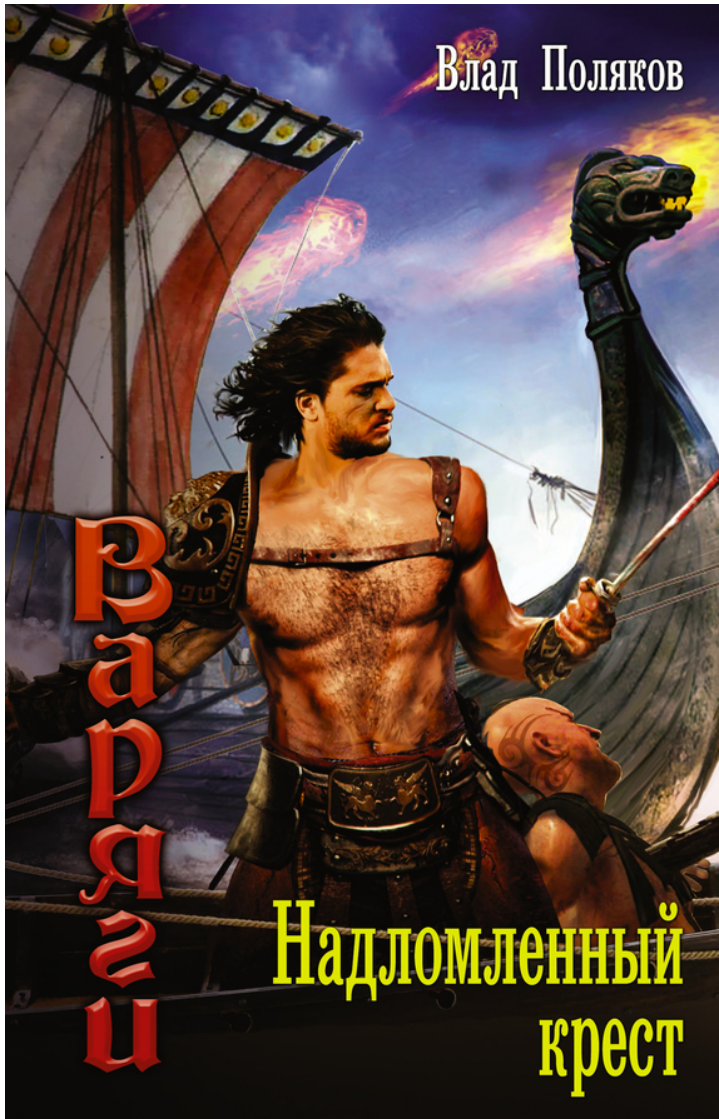

Влад Поляков

Варяги

Надломленный
крест

Влад Поляков
Надломленный крест
Серия «Варяги», книга 5
Серия «Ведунская серия (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23569484
Влад Поляков. Варяги: Надломленный крест: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-099343-7

Аннотация

Если не помогают многоходовые и запутанные интриги, то гордиев узел противоречий между Римом и Русью способен разрубить меч войны. И с обеих сторон поднимаются знамена уже не стран, но богов. Ведь войны за веру – особенные войны. Но обе ли стороны преследуют те цели, о которых заявлено во всеуслышание? Ватикан и лично папа Иоанн XV готовы на этот счет серьезно поспорить... Тайно, чтобы не узнали те, кому знать не следует.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	29
Интерлюдия	54
Глава 2	75
Глава 3	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Влад Поляков

Надломленный крест

© Влад Поляков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Снаружи и внутри – из холода тюрьма;
Куда ни посмотри – кругом, зима, зима.
Скребется где-то мышшь, в окне танцует тьма,
И ты во тьму глядишь, чтоб не сойти с ума.
Беги, беги вперед, покуда хватит тепла,
Покуда крепок лёд, пока летит стрела;
Не дай господь тебе мой свист услышать!
Беги, беги вперед, беги, не чуя ног,
Хоть холод мышцы рвет, хоть нет в снегу дорог;
Пусть даст тебе твой Бог силы – **ВЫЖИТЬ!**
Морозный воздух спал в пушистых перьях сов;
В ночь я тебя позвал – и ты пошел на зов,
А я твои следы свиваю тихо в нить —
Сегодня сможешь ты мой голод утолить!
И выюги круговерть тебя утянет в ад;
Где тропы топчет Смерть – не повернуть
назад!
А я крадусь в ночи, учуяв теплый след;
Прошу, молчи, молчи – тебе спасенья нет!
Канцлер Ги, «Вендиго»*

Пролог

Май (травень), 990 год, недалеко от побережья Зеландии

Эйрик Петля чувствовал себя превосходно. Море, свежий ветер, покачивающаяся палуба большого и могучего драккара под ногами. Нового драккара, который из-за буйной фантазии его конунга все же получил имя «Нагльфар». Вместо головы дракона или иного чудища, на которых у конунга всегда хватало воображения, – личина с закрытыми глазами и выражением полнейшего безразличия. «Нагльфар»... Тот самый корабль, vyplывающий из царства мертвых, обители Хель, слишком тяжелый, чтобы без магии держаться на воде и несущий погибель всему живому. И все же Эйрик признавал, что толика правды в подобном названии была.

Его драккар был велик, массивен, с большой осадкой, из-за которой далеко не во все реки-то мог заходить без опасения сесть на мель. Зато и вооружен был солидно, по мере Петли даже немного избыточно. Камне- и стрелометы на специальных поворотных платформах, да к тому же и обслуга находилась под защитой деревянных, обитых железом щитов. Это на палубе. Бойницы по бортам, из которых били уже не полноценные стрелометы, но вместе с тем и не обычные самострелы. Последние предназначались не для сокрушения корпусов кораблей врага, а для прицельной стрельбы

по находящимся на них людям. Ну и метатели «греческого огня», числом шесть. Нос, корма, по два с бортов. Новые, изрыгающие огненные струи на еще более дальнее расстояние, превращая «Нагльфар» в такой крепкий орешек, от которого лучше держаться как можно дальше.

Мореходность драккара также радовала душу варяга. Хорошее парусное вооружение, которое с недавних пор легко позволяло ходить против ветра, удачные обводы драккара – все это позволяло развивать хорошую скорость, не уступая другим пенителям морей.

И чуть ли не самое главное, без чего, по искреннему убеждению Эйрика, драккар, каким бы совершенным он ни был, всего лишь груда дерева, парусины и железа, – варяги, что находятся на нем, вооруженные и готовые к любым превратностям судьбы. Две с лишним сотни клинков. И не набившиеся, как соленая рыба в бочонке, а чувствующие себя вполне нормально, привычно. Тут Петля не мог не вспомнить, как первоначально не поверил в подобное число, костеря своего конунга и побратима Хальфдана Мрачного от всей души.

Ан нет, вот оно. Воплощение казавшегося маловозможным. Ведь при постройке «Нагльфара» были позаимствованы кое-какие очень интересные решения ромейских кораблей. И дромоны-переростки, называемые хеландиями, позволяли находиться на борту и трем сотням без тесноты и обиды. А коли так, то почему бы и не использовать опыт старых врагов. Вот Хальфдан и использовал, поставив за-

хваченных в битве у устья Дуная ромеев как невольных помощников в воплощении полезных новинок. Вот те и трудились, имея выбор: рассказать все известные им секреты или же закончить свою жизнь на виселице или с ошейником раба-траллса.

Особо много они, конечно, не знали, все же не кораблестроители, но и поведенного хватило для кое-чего. И теперь это кое-что успело воплотиться в красавец-драккар с пугающим именем. Своего рода первенец, ведь следом за «Нагльфаром» должны были быть спущены на воду и его «братья». Но ко времени выхода в море Эйрика Петли с полусотней подчиняющихся ему драккаров был полностью готов только «Нагльфар». Он и стал тем драккаром, на котором было поднято знамя Гардарики и находился он, Эйрик, главный кормчий.

Затем был переход до побережья близ нового Йомсборга, где драккары Эйрика соединились с сорока драккарами йомсвикингов под предводительством их недавно избранного ярла Торкеля Высокого. Сорок да пятьдесят – итого девяносто. Почти сотня, что и само по себе было немалым числом. А ведь и это было далеко не все. Две части союзного флота ждала встреча с сотней драккаров правителя Норвегии Хакона Могучего. И вот тогда получалась армада вовсе огромной силы, которой мало кто может противостоять.

Та встреча... Когда она состоялась, Эйрик воочию смог убедиться в произошедших за последние годы изменениях.

Драккары старые и драккары новейшие, они... отличались. Старые – не в смысле возраста, тут другое. Пенители морей норвегов и йомсвикингов выглядели более... уязвимо, не производили впечатления сокрушающей все и вся мощи, которое исходило не только от его «Нагльфара», но и от других драккаров под знаменем Гардарики.

Теперь Петля по-новому оценивал ранее случавшиеся разговоры с Мрачным насчет вводимых тем новинок в делах морских. Наглядное сравнение, оно такое. Ощетинившиеся метательными машинами и носовым метателем «греческого огня» на палубе, готовые открыть бойницы для самострелов, а также бортовых метателей, драккары под его, Эйрика, руководством. И куда более невзрачные у тех же сыновей Хакона Могучего, Свейна и Эрленда. Да, опасные. Да, с матерыми хищниками на борту. И все равно – не совсем то. И кажется, это понимал не только он, не только его окружение, но и они, норвежцы. Йомсвикинги то уже давненько поняли, еще тогда, когда покидали старый, изначальный Йомсборг. А вот сыновья Могучего ощутили это только сейчас.

Впрочем, сотня драккаров Хакона Могучего – это именно сотня и ни единым меньше. Соединившись с ним и союзными Гардарике йомсвикингами, они могли начать выполнять свою главную задачу – сокрушить морскую силу Дании и ее нынешнего короля, Свена Вилобородого. А он, Вилобородый, уже должен был собирать корабли. Ведь перед соединением с Эйриком сыновья Хакона высадили на берег по-

близости от крепости Лунд немалое число викингов. Другая же часть войска шла пешим путем с севера, от подвластных правителю Норвегии земель. Эти две части единого целого должны были без особых трудностей разбить находящиеся по ту сторону моря войска данов, довольно немногочисленные. А затем начать приводить к покорности все подвластные Виллобородому земли. За такой куш Хакон готов был на многое. Особенно если учитывать его договоренности с конунгом Хальфданом Мрачным.

А драккары... Их назначение – разгромить ту армаду, которую несомненно соберет и отправит на подмогу своему наместнику в Лунде. Иначе нельзя, иначе его никто не поймет. А если и поймут, то заморские владения для него будут напроць потеряны. Несколько месяцев и все, Хакон укрепитя в Лунде и иных крепостях, менее значимых, так, что его оттуда уже не скovyрнешь, особенно при поддержке на море соединениями драккаров йомсвикингов и руссов.

Вот и болтались драккары вдоль Зеландии, высылая наиболее быстроходные корабли в разведку по разным направлениям в надежде обнаружить врага, движущегося хоть в сторону Лунда, хоть на их поиски. А несколько малых драккаров и вовсе были отправлены пробежаться в сторону основных гаваней, где находились на стоянках корабли данов.

Дождались! Сначала вернулся посланный к Орхусу разведчик с радостной вестью о том, что корабли данов вышли из городской гавани и идут в открытое море. По его наблю-

дениям – в направлении Роскильде, что с юго-западной стороны Зеландии. Затем добавились наблюдения других разведчиков, подтверждающие эти сведения. Это означало одно – именно в Роскильде Вилобородый собирает силы в кулак. Следовательно, именно туда и стоило направляться объединенной армаде пенителей морей.

Так и сделали. Благо возражений не было ни у Свейна с Эрлендом, ни, тем более, у Торкеля Высокого. Последний вообще не был склонен возражать такому известному кормчему, как Эйрик Петля, ну а сыновья Хакона Могучего... Эти, хоть сами и не были одарены умениями битвы на воде, но их более опытные советники также должны были разъяснить что к чему. И как был уверен Эйрик. Разъяснили. Ведь пока что его приказы исполнялись без задержек и все без исключения. Впрочем, отдавать глупые распоряжения он и не стал бы. Слишком сильно дорожил приобретенной известностью.

В итоге, они добрались. Не до самого Роскильде, конечно, но очень близко. Добравшись же, снова выслали быстроходные малые драккары. Удостовериться, все ли правильно продумано.

Успели. Разведчики – те, первые – не ошиблись в своих предположениях и тем более в проведенных наблюдениях. Именно близ Роскильде Свен Вилобородый собирал свои корабли. Много кораблей, понимая, что для битвы с Хакон Могучим понадобится большая часть из имеющихся у

него. По наблюдениям, сейчас у Роскильде было более сотни кораблей, но они еще прибывали. Поэтому было принято решение атаковать сейчас, не дожидаясь, пока к Роскильде придут все без исключения корабли данов, вызванные туда королем.

Сказано? Сделано. Без малого две сотни драккаров союзной армады в боевом построении показались в пределах видимости датских кораблей. Застать данов врасплох? Эйрик, конечно, ни за что не отказался бы от такого подарка богов. Но привык здраво оценивать обстановку. Поэтому понимал, что быстроходные разведчики не только у него есть, но и у противника тоже.

Вот и не удивлялся, когда увидел, что корабли Вилобородого тоже готовы к битве. Причем не просто готовы, но и могут, в случае чего, уйти под защиту крепостных стен Роскильде. И вообще. Роскильде-фиорд – место такое. Там хорошо отсиживаться даже большим числом кораблей. Не сотней, конечно, но... А атаковать это место, да под обстрелом из камнеметов... Тут только дурень польстится и никто иной. А он, Эйрик, никогда не согласится с инеистым великаном головами поменяться.

Но пока Свен Вилобородый не собирался прятаться, он хотел биться. Коли так, значит, их желания совпадают. Только битва эта будет проходить не совсем привычным для противника образом. Не зря же в первую линию были выдвинуты его, Эйрика, корабли. До поры выдвинуты, поскольку

одно из преимуществ драккаров Гардарики – мощные метательные машины на палубах. Значит, начнут битву именно они. Обстреливая корабли данов. А потом... драккары сыновей Хакона и йомсвикингов проскользнут вперед, становясь, в свою очередь, первыми, принимая на себя удар данов. Затем же... О, у Эйрика Петли найдутся и еще «подарки» для врага.

– Стоян! – подождав несколько мгновений, пока его помощник, отвечающий за стрелков «Нагльфара», подойдет, Эйрик спросил: – В наши камнеметы особый припас загрузили?

– Конечно, Петля. Только уж прости, но эту новую придумку нашего конунга мы в низах храним, на палубу только необходимое число для залпа поднимать будем. Уж слишком это опасно.

– Понимаю тебя. Но сначала...

– Сначала пристрелка «пустышками» из малой части камнеметов, – поняливо кивнул Стоян, подхватывая мысль главного кормчего. – А уже потом из остальных, особым припасом. В Нифльхельме жарко станет!

– Туда данам Вилобородого и дорога! У меня к ним особый счет.

Стойан понимающе оскалился. Сам он не был в числе тех, кто вместе с конунгом покидал Трагтон-фиорд, спасаясь от преследований папаши Вилобородого, короля Харальда Синезубого. Ведь еще тогда начали сильно прижимать. А порой

и откровенно выдавливать с датских земель тех ярлов, которые почитали исконных богов. Но теперь... Теперь один из изгнанников вернулся, причем во главе пары сотен драккаров и под знаменами тех самых богов, чьих земных детей попытались изгнать с принадлежащих сынам Асгарда земель.

– Что с Торкелем? – продолжил меж тем уточнять Петля. – Не увлечется ли его йомсвикинги боем?

– Не должны. При нем Любомир, а он всегда сохраняет спокойствие. Даже во время самого жаркого боя.

Эйрик понимающе склонил голову. Любомир всегда хорошо себя показывал. Да и в последнем серьезном сражении сначала у Переяславца, а затем в устье Дуная проявил себя расчетливым кормчим, не склонным к риску, зато замечающим слабости врага. Именно такой варяг и требовался для того, чтобы осаживать при нужде слишком горячих йомсвикингов. Вот его и отправили на тот драккар, где находился ярл Торкель Высокий. Напомнив последнему, что к советам доверенного представителя Эйрика нужно относиться... со-ответствующе.

Касательно же сыновей Хакона Могучего дела обстояли иначе. Йомсборг – по сути уже стал не просто союзен Киеву, но и почти зависим от него, вассален, как говорят в других землях. Ярл Торкель это осознает, поэтому воспринимает присутствие Любомира как должное. А Свейн с Эрлендом – это совсем иное. Они сыновья правителя Норвегии, Свейн так и вовсе наследник. Считают себя выше, чем всего лишь

побратим – а не родственник по крови – конунга Руси-Гардарики. Хотя... Эрленд, исходя из каких-то причин, куда более склонен прислушиваться к нему.

Зато Свейн – отдельная печаль. Поскольку он участвовал в битве при Хьерунгаваге, командуя не то тремя, не то четырьмя десятками драккаров, то считал, будто ему никто не может указывать, за исключением собственного отца. А подобное мало кого до добра доводило. Ведь к «указам» он относил и большинство советов, которые входили в противоречие с его собственными намерениями.

Опасно! Эйрик вспомнил высказанное Хальфданом Мрачным насчет Свейна. Его побратим предупреждал о том, что наследник Хакона Могучего может быть... непредсказуем и склонен к риску. И строго-настрого запретил Эйрику подвергать серьезной опасности драккары – как свои, так и йомсвикингов – за ради того, чтобы порадовать невесть что о себе возомнившего «золотого мальчика», привыкшего, что все ему в рот смотрят. Слова были не совсем понятны по отдельности, но суть он все же уловил. А отдельные неясности... Все близники Мрачного давно привыкли к некоторым странностям «отмеченного Локи» конунга. Ведь по слухам тот же Хельги Вещий еще и не так чудил! Близ богов, близ... странного. Сам Петля почитал асов, не забывал приносить им богатые дары в храмах, но идти по жреческим или родственным путям... Не его это.

Меж тем расстояние между его драккарами, движущими-

ся не под парусами, а лишь при помощи весел, и датскими кораблями сокращалось. Еще чуть-чуть и начнется пристрелка. А за ней...

Вот на мачте «Нагльфара» взвились хорошо видимые флаги-знаки, приказывающие начать пристрелку. И почти незамедлительно воздух распорол округлые ядра, лишь представляющиеся каменными. На самом же деле – всего лишь глина. Почему именно она? Просто чтобы пристрелочные ядра были более приближены к боевым.

Мимо, еще мимо... А вот эти хорошо легли. Значит, на них и равняться надобно. Вот и взвиваются флаги, приказывающие начать стрельбу уже не «пустышками», а боевыми.

Немного подождать... И вот уже воздух рассекают не просто шары из обожженной глины, а шары пылающие, а внутри них – тот самый «греческий огонь». Попадут в тот или иной корабль – на палубу или в борт, это неважно – разобьются, и уже горящая смесь расплескается во все стороны. А горящий корабль – это страшно, особенно если водой пламя не потушить, лишь песком. Только все ли о том знают? И даже если знают, то на многих ли кораблях он имеется? Все же в этих морях с «греческим огнем» еще не сталкивались. Слышали – да. Про то, что он есть у русских кораблей – несомненно. Но не сталкивались с его применением в сражениях. Именно это самое главное.

Попадания! И разгорающиеся пожары на нескольких кораблях данов. Теперь у этих кораблей серьезные заботы, свя-

занные с собственным выживанием. А меж тем камнеметы начинают перезаряжать, делая это без суеты, но и не затягивая. Обслуживающие их варяги понимают силу этого оружия.

Зато даны засуетились. Поняли, что если они не ускорятся, то обстрел зажигательными ядрами причинит им несовместимый с продолжением боя ущерб. А поняв, гребцы налегли на весла, ускоряя ход кораблей. Значит....

– Пора?

– Ждем, – отмахнулся Петля от Бьорна, своего помощника, который управлял «Нагльфаром» в то время, когда он сам был занят оценкой обстановки в целом. – Успеем сделать второй залп.

Эйрик рассчитал верно. Снова взвились пламенеющие ядра, и лишь тогда на мачте «Нагльфара» взвились флаги, приказывающие драккарам позади первой линии выдвинуться вперед, приняв на себя удар данов.

Ну а драккары Эйрика, уже затормозившие, дали сначала задний ход, а потом, разделяясь на два крыла, стали готовиться к тому, чтобы обойти начавшуюся свалку с обеих сторон, ударив по тем целям, которые будут наиболее подходящими.

Именно в этом и был замысел. Атака из метательных машин зажигательными ядрами, выдвижение вперед других, союзных драккаров, после чего корабли Эйрика должны были стать чем-то вроде орудия для нанесения добивающего

удара.

Пока все шло так, как и планировалось. Драккары сыновей Хакона и Торкеля Высокого приняли на себя удар данов. И тех и других было более сотни, так что тут ни одна из противостоящих сторон не могла одномоментно вырвать победу. Да и не должны были сыновья Хакона вкупе с Торкелем этого делать, их задачей было связать противника, заставить его втянуться в битву. Зато полсотни кораблей Эйрика – мощных и более сильно вооруженных – заходящие с двух направлений... О, они-то как раз и должны были вырвать не просто победу, а учинить полный разгром врага.

– А корабли Вилобородого того, начинают выходить из боя. Те, которые не сцепились еще с нашими, да так, что крюки-захваты не обрубить, – хмыкнул Стоян, для метательных машин которого сейчас дела не было. – Король данов решился пожертвовать частью, понимая, что иначе потеряет почти всех.

– Вижу. Мне мороки глаза не замстили, – огрызнулся Эйрик. – Решил, значит, в Роскильде-фиорде укрыться, под защиту как места, так и крепости. Умный он, ну так я и не говорил, что у него вместо головы тюк с соломой. Флаги поднять... Корабли данов, какие можно, захватывать. На дно не пускать. Отходящие корабли данов не преследовать.

– Кто ж добычу-то на дно пустит, Петля! Да и преследовать – не лучший выбор. Они ж ретивого охотника за собой заманить могут. Мели там, аль специально старые корабли

на доселе проходимых местах затопят. Даны, как и мы, на ловушки горазды.

– Кто их знает, сынов Хакона. Лучше уж заранее предупредить.

– И то верно.

Будучи уверенным в том, что все отданные им приказы будут выполнены, Петля позволил себе ненадолго перевести взгляд с битвы на ясное небо над головой, заодно и поблагодарить Тора, Одина и Хеймдалля за то, что сражение складывается столь удачно. Локи, хитрого йотуна, он решил пока не беспокоить. Беспокойный бог слишком любил... шутить, причем замысловато.

И внезапно...

– Эйрик! – крик Бьорна был преисполнен негодования и даже какой-то чуть ли не детской обиды. – Что они... Зачем они ЭТО делают?!

Кормчему хватило одного взгляда в сторону, куда указывал его помощник, чтобы понять – вот и случилось то, от чего он предостерегал. Единственное, что могло доставить действительно серьезные неприятности удачно разработанному и верно исполняемому замыслу битвы. Норвежские драккары... Они рванулись следом на отступающими в Роскильде-фиорд кораблями Свена Вилобородого. Гребцы на румах выжимали все возможное, стремясь настигнуть противника. Немногочисленные стрелометы, установленные на норвежских драккарах, работали. Стрелки – лучники и прашники

– тоже старались, осыпая удирающие корабли данов градом стрел и камней. Но... Это была ошибка. Нет, хуже. Нарушение приказа, отданного тем, кто руководил битвой.

– Сожри Гарм их потроха! Пусть Сурт вонзит свой меч прямо в задницу тому ублюдку, который отдал этот безумный приказ! О, Локи, сделай так, чтобы сломались весла на тех драккарах, которые мчатся к грядущим бедам. Огради неразумных сынов Асгарда...

Ругань Эйрика и его же воззвания к божественным силам, как оно и ожидалось, не возымели результата. Однако... он заметил, что в глупую и опасную погоню рванулись не все норвежские суда, лишь около двух третей. Под флагом... Свейна, наследника Хакона Могучего. А вот Эрленд со своими не последовал за братом, предпочтя следование полученным приказам.

– Сколько датских кораблей можно не считать?

– Мы подожгли одиннадцать судов, еще четыре затонуло от полученных повреждений. Шестнадцать захвачены или вот-вот будут, Петля, – ответил Стоян, обладающий острым зрением и к тому же привычкой подсчитывать меняющуюся численность противника. – Всего у короля данов меньше на тридцать один корабль. Три наших драккара протаранены, два уже на дне, один тонет. Выбрасываться на берег нет смысла, поэтому... Думаю, что и пленные есть, воины не получали приказ убивать всех, тем более раненых.

– Я тебя услышал. Жаль, что это не все наши потери. Сей-

час они увеличатся.

Стоян и Бьорн понимающе кивнули. Не первых год по морям ходили. Знали, что к чему. Роскильде-фиорд для данов место родное, изученное, маневрировать они там умеют, все хитрости ведают. В отличие от Свейна, сына Хакона, который продолжал преследование. Хотя норвежец не мог не понимать, что его порыв, идущий вразрез с приказом и здравомыслием, другие союзники не поддержали.

– Приказ всем. Малым ходом – ближе ко входу в Роскильде-фиорд, – с трудом удерживая гнев, процедил Эйрик. – Выход из фиорда не преграждать. Оттуда будут отступать драккары Свейна. Те, которые останутся.

– Ловушка... Но какая?

– Локи ведает, Бьорн. Вернувшиеся расскажут. Наше дело – подойти и ждать. При нужде – прикрыть отступление союзников, пусть и дурных.

Добавить тут было просто нечего. А вот подумать над тем, что делать дальше – несомненно стоило. И у Петли были на сей счет... определенные мысли. Те самые, которые появились вкоре после сражения близ устья Дуная.

* * *

– Больше двух десятков драккаров! Именно столько ты, Свейн, сын Хакона, потерял в своей безумной затее, – расхаживая по палубе «Нагльфара», источал яд Эйрик Петля,

обращаясь к сыну норвежского правителя. — Сколько же викингов пало в бою либо попало в плен к данам, того я не ведаю, но немало, то очевидно.

— Я потерял семнадцать...

— Семнадцать утонуло, село на мель или сгорело, — перебил Свейна Петля, смотря на него, как на вздорное и неразумное дитяtko, которое и надо бы высечь, да возможности нет. — А еще шесть после всего случившегося более походят на дырявые и обожженные корыта, чем на боевые корабли. И видят боги, в том только твоя вина.

Свейн заскрежетал зубами, но от сколь-либо внятного ответа все же воздержался. Видел, что все, присутствующие на совете, смотрят на него... без тени приязни.

Совет. На него Эйрик воззвал тех немногих, кто мог принимать решения, имея за собой немалое число кораблей. Таковых было всего четверо: он сам, ярл Торкель Высокий да Свейн с Эрлендом, сыновья Хакона Могучего.

Разговор был необходим, особенно в свете того, что случилось с излишне ретивым Свейном, соблазнившимся преследованием противника в не шибко знакомых водах, да еще прибрежных, да еще в родном для врага фиорде со всеми его «милыми» особенностями.

Свейн ведь на что рассчитывал со своими семью десятками драккаров? Ворваться «на плечах» противника внутрь Роскильде-фиорда и, протаранив часть судов данов, уцепиться крючьями за борта оставшихся, решив исход битвы

на палубах их кораблей. К тому же искренне думал, что Эрленд последует за ним, пусть и нарушая полученный приказ.

Не вышло. Эрленд остался, а значит, вместо почти что равенства его драккары стали уступать числом кораблям Вилобородого. Впрочем, это не остановило Свейна, рассчитывавшего, что бегущий враг – это враг, потерявший боевой дух. Зря. Ведь есть еще такие воинские хитрости, как ложное отступление, заманивания в ловушки и прочие очень неприятные для увлекающихся военачальников премудрости.

И первой из таковых стала ловушка под название «рукотворная мель». Точнее мели, поскольку их было немало. Свен Вилобородый, понимая, что вполне может возникнуть необходимость отступить, приготовил для преследователей неприятные подарочки. Взял, да и притопил в доселе проходимых местах старые, готовые вот-вот развалиться корабли, от коих все равно не было никакой пользы. Вестимо, заблаговременно отметив особыми знаками опасные места, чтобы никто из своих в эти ловушки не попался.

Сработало. Несколько драккаров Свейна на всем ходу врезались в притопленные корабли. А врезавшись, быстро выбраться было уже невозможно.

Результат оказался весьма печальным. Мало того, что у Свейна стало меньше драккаров, так и остальные были вынуждены снизить скорость до очень малой, опасаясь попасть в такие же западни. А малый ход – это просто подарок для вражеских стрелков как на кораблях, так и по берегам Рос-

кильде-фиорда.

Тут бы Свейну подобрать команды с потерпевших бедствие драккаров и смываться, поняв, что продолжение такого боя влечет за собой еще большие неприятности. Но нет, один из победителей при Хьерунгаваге, что называется, закусил удила. Нельзя сказать, что Свейн впал в состояние берсерка или в нечто схожее. А вот поселившаяся в его голове мысль, что лишь продолжением нажима на данов можно вырвать победу... Это присутствовало.

Равно как был и встречный удар датских кораблей, которые, развернувшись – воспользовавшись выигрышем по времени из-за вынужденного замедления драккаров противника – атаковали те суда Свейна, что показались наименее опасными. Причем прослеживалось стремление прижать драккары норвежцев поближе к берегу с вполне понятными целями. Ведь стрелки на берегу, они никуда не делись, а зажигательные стрелы – штука неприятная, особенно выпускаемые с завидной частотой и в огромном количестве.

Лишь поняв, что положение становится совсем печальным, Свейн отдал приказ отступать. Только сделать это смогли далеко не все.

Стоит ли удивляться, что созвавший командиров на совет Эйрик Петля был... мягко выражаясь, в бешенстве? Вряд ли. Удивительным скорее уж было то, что его гнев не вырвался наружу в более широком кругу, чем он сам и остальные трое предводителей союзников.

Вслушивая о себе «много нового и интересного», Свейн понимал, что поддержки ему сейчас не будет ни от кого. Торкель, ярл йомсвикингов, смотрел на одного из тех, кто победил его буйное братство при Хьерунгаваге, с некоторым... любопытством и легким злорадством. И наследник Хакона Могучего понимал, почему именно. Йомсвикинг никогда бы не сунулся в возможную ловушку, не позволил бы ставить под удар своих людей, зная, что от их верности зависит очень многое. А будет ли нерушимой верность тому, кто допускает такие вот глупые ошибки? Особенно если он у Хакона Могучего не единственный сын, а другие только и ждут того, чтобы отодвинуть его в сторону.

Об Эйрике и говорить не стоило, тот кипел и пыхал огнем не хуже дракона из-за нарушенного приказа. А вот Эрленд... Сводный брат вроде бы не так явно как остальные двое выражал свое недовольство, но вместе с тем было в его взгляде что-то такое, очень нехорошее... Так смотрят уже матерые волки на вожака в стае, понимая, что пока он сильнее, но подмечая любую слабость и... оценивая, когда же наконец можно будет попробовать занять его место.

Свейн поежился от воображаемого ощущения холодной стали под лопаткой. Он хорошо знал своего брата. Равно как и то, что тот ненавидит его, хотя и успешно скрывает ненависть ото всех, включая их отца. Сейчас же... Сейчас он сам дал брату в руки еще одну немалой силы руну. Еще одну, которая, несомненно, займет важное место в сплетаемой тем

паутине-руновязи, цель которой очевидна.

– И что теперь делать станем, ярлы? – закончив излагать свое нелицеприятное мнение о Свейне, спросил Петля. – Даны заперты в Роскильде-фиорде, что хорошо, но мало. Кунунг Хальфдан желает уничтожения большей части кораблей данов, да и Хакон Могучий, как я полагаю, желает схожего. Так?

– Верно, Эйрик, – изобразил вполне себе пристойную улыбку Эрленд, не давая ответить брату, пользуясь тем, что Свейн уже, так сказать, проявил «ум и сообразительность». – Но атаковать «в лоб» я не хочу. К чему это приведет – мы уже видели. Большие потери. Мы сможем уничтожить корабли данов, но сколько потеряем сами? А драккары будут важны, если в войну вступят германцы. Нет, не так я молвил, неверными словами. Обязательно вступят в войну, если узнают, что наш союз потерял силу на море.

Эйрик кивнул, признавая правдивость сказанного, после чего пристально взглянул на ярла Торкеля, предлагая тому высказаться. Высокий не стал тянуть, заявив:

– Мы их надежно заперли, прорываться они не осмелятся. Вот и пусть сидят, а мы тем временем начнем разорять окрестности. У нас преимущество, мы владеем морем. Медленно, конечно, зато надежно. А потом Хакон Могучий тоже без дела не сидит. Сначала Лунд и другие города по ту сторону, затем и сюда придет, на берега Зеландии, уже ослабленной нашими стараниями.

– Умные слова, достойные ярла Йомсборга, – уважительно произнес Петля. – И мы воспользуемся сказанным – полностью либо частью.

– Частью? Почему? А, понял тебя, Эйрик, ты что-то свое готовишь. Расскажи нам.

– Конечно, Торкель, для этого мы и собрались. Вы все здесь опытные кормчие, а значит, внимательно следите за минувшими битвами на воде. И должны помнить ту, которая не столь давно случилась при устье Дуная. Ту часть битвы, в которой конунг Хальфдан ночной порой пустил малые суда на боевые корабли ромеев, предварительно загрузив их тем, что очень хорошо горит.

Все трое ярлов вразнобой подтвердили, что очень хорошо помнят. А Торкель Высокий и вовсе сказал, что раз есть захваченные корабли данов, то он вполне понимает замысел союзника.

– Тем лучше. Тогда ждем ночи и попробуем их корабли на прочность против пожирающего все и всех огня. Только вот, – ненадолго прервавшись, Эйрик продолжал: – Роскильде-фиорд – это нам не устье Дуная. Незаметно подобраться будет очень сложно. Из полутора десятков захваченных нами датских кораблей до цели дойдут немногие. И немногие из находящихся там воинов сумеют остаться в живых. Не хочу никого приневоливать, потому пойдут лишь охотники.

Эйрик Петля понимал, что сейчас без жертв не обойтись. Воины пойдут не на верную смерть – это да, но опасность

очень велика. Желающие, конечно же, найдутся, тут сомневаться не приходилось, но лучше бы среди них было поболее союзников и поменьше его собственных вояк. Не зря же конунг-побратим настойчиво напоминал ему, что варягов следует поберечь. В том числе и потому, что война с печенегами и стычки с ромеями близ Дуная и так собрали кровавый урожай. А впереди еще и эта война, которая обещала быть более тяжелой, изматывающей.

Вот потому он как-нибудь сумеет объяснить своим, что их жизни нужнее в другом месте.

А Валгалла... она уж точно подождет. Тем более кровавых и славных битв в ближайшее время будет предостаточно.

Глава 1

Май (травень), 990 год, Киев

Растревоженный муравейник. Именно это определение раньше всего приходило в голову, стоило прогуляться по улицам Киева, внимательно наблюдая за происходящим. Ничего удивительного, учитывая то, что именно сюда постепенно стягивались войска с востока, севера и юга Руси. Лишь те, которые с запада, шли в Искоростень, чтобы зря не бить ноги и копыта.

Понимающим людям было понятно, что готовится нечто весьма серьезное. Не обычный набег, а удар по мощному противнику, которого с наскоку не взять. Тому свидетельство и то, что часть драккаров, причем из самых мощных и новых, во главе с «Нагльфаром» Эйрика Петли уже отправились в неведомом направлении. Распространялись ложные слухи о том, что цель англы, франки, да и про данов тоже упоминали, чтобы не выделять их нарочитым молчанием. В общем, классическая «перегрузка информацией» во всей своей сомнительной красе.

Плюс посланные отряды в сторону Тавриды и к берегу Днепра, к границе отбитых у печенегов земель. Не для боевых действий, а за ради усиления войск в частично готовых пограничных городках-крепостях. Особенно со стороны Тавриды, ведь именно там находились столь значимые горо-

да-порты Херсонес и Корчев. Не будет там немалою числа воинов – Владимир Тмутараканский, ныне муж ромейской базилисы Анны, может и рискнуть, отдав приказ попробовать прихватить то, что плохо лежит. Не с бухты-баракты, конечно, а лишь узнав о том, что Русь втянулась в серьезную войну. Уж в его искренней ненависти ко мне сомневаться не стоит!

Только истинные причины – это одно, а маскировка – совсем другое. Ведь отправка туда части войск вполне могла сойти за подготовку вторжения на ромейские или печенежские земли. Тоже плюсики в копилку ложных следов.

Зато мало кому было ведомо, что к хазарскому кагану и печенежским ханам оставшихся не вырезанными племен были отправлены послы. У них, послов, была очень важная миссия – донести до давних врагов Руси некоторые прописные истины. Ничего особо сложного – лишь то, что если в ближайшие год-другой хоть один мало-мальски крупный хазарский или печенежский отряд начнет резвиться в пределах русских земель, то последует жесткая и жестокая ответная реакция.

В случае хазар – поход на Итиль, в самое сердце дряхлого каганата. Вырви сердце или даже повреди его – ветхая конструкция непременно обрушится, погребая под собой всех ее обитателей. Каган со своими родичами и приближенными весьма искушены в политике, поэтому поймут. Да нет, они уже это поняли, вернув Белую Вежу и дав большой выкуп

золотом за пролитую кровь. Так что им просто стоит напомнить, не более того. Да и безопасность посла с сопровождением практически гарантирована.

Другое дело печенеги. Степные дикари во всем своем уродстве и убожестве. Слово для них – пустой звук. Неприкосновенность послов... также весьма сомнительна. Зато есть то, что они весьма почитают. И это страх. Тот самый, который им наконец-то удалось вдолбить под почти сплошную черепную кость печенежских ханов. Впервые за все время они ощутили, что с ними воюют не так, как они привыкли. Теперь никакой обороны, только ответные действия с предельной жестокостью. Напали? Готовьтесь, варяги придут и вырежут всех, кто держал в руках оружие, а женщин и детей угонят в неведомые края. И на месте кочевий появятся их каменные крепости, а по широкой реке начнут плавать страшные, изрыгающие всежигающее пламя корабли.

Именно страх и был тем инструментом, который предстояло использовать послу к печенегам. Испытанный недавно и еще не успевший притупиться ужас должен был стать порукой тому, что степняки не перейдут Днепр и не попытаются урвать кусок добычи.

Однако степняк живет по большей части набегами. И никакой страх не в силах отвлечь его от этого занятия. Это было ведомо всем умным людям. Поэтому им предлагалось... изменить направление. Имелся север, где пройдя через земли мордвы и бургасов, у которых брать особо нечего,

помимо них самих, можно было пощипать волжских булгар. Богатые края. По ту сторону Дона лежал Хазарский каганат. Тоже хорошая добыча, к тому же уже ослабленная. Нет желания сориться с хазарами или те, по своей привычке, откупиться? Так через их земли можно добраться и до Тмутараканского княжества. Кстати, привлекательность именно последнего варианта послу и было поручено подчеркнуть особо. Вдруг да выгорит! Тогда Владимиру, тать его, Святославичу, хорошую пригоршню угольков за пазуху бросим. Пусть попрыгает, скотина этакая!

В общем и целом, предпринимаемые меры для того, чтобы обезопасить Русь с восточного порубежья, можно было признать вполне удовлетворительными. Про болгар и говорить не стоило. С ними отношения были вполне приличные, а торговля даже усиливалась. Особенно учитывая тот факт, что торговый поток через уже болгарские Тессалоники обещал порадовать Олега Камня до слез умиления. Благо товары для продажи имелись, причем такие, каких в других местах не найти. Ведь со Священной Римской империей торговля скоро прекратится. Во время войны какая торговля...

Были еще венгры, но их король, продувная бестия Геза Арпад, тот еще затейник. Его стоит опасаться лишь тому, в чьей слабости он будет абсолютно уверен. О, вот тогда он навалится всеми силами, стремясь откусить наиболее жирный и вкусный кусок, после чего некоторое время будет со всем старанием его переваривать. Он уже такое проделывал,

дело-то привычное.

Вот, собственно, и все соседи. Ну, помимо тех, с которыми начнется война. Венеды уже роют землю рогами и копытами, ожидая того дня, когда на голубиных крыльях прилетит сигнал в виде единственного слова: «Можно!» А вот куда именно «можно» — это зависит исключительно от реакции Священной Римской империи на творящееся в Дании. А твориться уже должно, уж Эйрика-то я хорошо знаю!

Эх, выбраться бы из Киева поскорее, а то дни, проходящие в ожидании вестей, откровенно напрягают. И не то что мне нечем заняться, скорее наоборот. Просто нервы, они не железные, а уж учитывая ощущаемую мной ответственность за надвигающуюся войну... Только если не спровоцировать ее сейчас, она все равно начнется, но уже на куда менее выгодных для нас условиях. Да и удержать союзников-венедов не в моих силах.

Хочется, да колется! Ведь стронь я хотя бы часть собранных войск в сторону польских рубежей, как все сразу станет ясно, как день. А именно этой ясности мне и требуется избегать. До того момента, как уязвленный в самые болезненные места Свен Вилобородый, король датский, громко запищит, призывая на помощь всех, кто готов эту самую помощь оказать. И вот тогда...

Священная Римская империя сообразоволит помочь? Тогда удар венедов, наемников из прусских племен и наших войск будет направлен по оккупированному Польшей Помо-

рю-Померании. Удар с трех сторон: венецкой, прусской. Причем именно с последней будут бить и наши войска, а также со стороны моря. Ведь наш флот далеко не весь ушел с Эйриком или символизирует силу Руси на Днепре, близ Хольмгарда и в черноморских водах.

Не соблаговолит его императорское величество – точнее, правящие вместо него мать и бабка – нам же спокойнее. Будем, радостно похрустывая, совместно с норвежцами и венедами грызть вкусные куски Дании. Даже самые воинственные вожди Венедского Союза удовлетворятся громкими победами и доставшимися им кусками Дании. На то относительно короткое время, которое потребуется нам, чтобы освоить полученное и подготовиться к новому удару, на сей раз безвариантно по Священной Римской империи.

А пока остается ждать. Но не праздну, смотря в потолок и проводя дни в интимных забавах с Роксаной Змейкой, а перемежая отдых с многочисленными делами как правителя, так и человека, продвигающего вперед прогресс в некоторых его областях. А их, областей, порядочно!

* * *

Ожидание закончилось внезапно. Совсем внезапно и в самый неподходящий момент. Проще говоря, когда в двери, ведущие в мои личные комнаты, замолотили от всей души – это могло означать только одно, а именно срочные вести,

с которыми следовало ознакомиться безотлагательно. Иначе бы не стали стучать в дверь, на которой красовалась надпись рунами и кириллицей, запрещающая беспокоить без крайне важной причины.

Почти всегда этой надписи более чем хватало. Но уж если в дверь с такой надписью – коей мы старались не злоупотреблять – все же ломились, это могло значить только одно. Те самые дела или известия, с приходом которых меня можно было хоть будить, хоть с дамы снимать. Собственно, как раз последнее и произошло. Сдернули аккурат со злобно шипящей от подобного развития событий Роксаны, заставив набросить халат на голое тело и потащиться через пару комнат к двери.

– Ну? – одно слово было переполнено ядовитостью и угрозой показать вторженцу, где зимуют не то что раки, а целые хтонические чудовища. – И кто тут конунгу мешает отдохнуть душой и...

– Вести. Срочные. Хорошие... – От души улыбающийся Гуннар Бешеный – это явление крайне редкое, но о многом говорящее. – Я пройду?

– Мы пройдем...

– Вместе. И можем даже присоединиться.

– Без Гуннара.

– Он нам...

– Не нравится...

– Как мужчина.

– Скучный.

– Вот!

Сестрички тоже тут? Ну и ну! Раз уж вместе с Гуннаром появились Софья с Еленой, демонстрируя тем самым полное единство Тайной Стражи и жриц Лады, – это и впрямь нечто из ряда вон выходящее. Что же до девичьих шпилек в адрес Бешеного, так он к этому давно привычный. Сестрички вообще остры на язык и никогда не стесняются демонстрировать это.

А тема для подколок... Бешеного просто не соблазнило их предложение провести вместе ночь-другую. Вот они и отыгрываются по мере сил, но не серьезно, а вот такими вот высказываниями. Порой мне даже хочется посоветовать Бешеному поймать каждую из сестричек, да по нескольку раз, да от души. Но тот, как я понимаю, уже привык к такой атмосфере, она его даже малость развлекает.

– Подождите здесь. Скоро мы с Роксаной к вам присоединимся, – посмотрев на Софью, которая явно хотела еще что-то этакое сказать, я добавил: – И нет, вы, красотки, к нам точно не «присоединитесь». Хотя... можете поговорить лично со Змейкой.

– Не-а! – помотала головой Софья.

– Не хотим, – подтвердила Елена.

– Она дикая, начнет еще...

– Ножам бросаться.

– Рукояткой вперед.

– Больно!

Хм, а похоже, что Змейка уже в них чем-то прицельно кидалась. Неудивительно, эти две болгарки почти любого до белого каления довести могут. Впрочем, не о том речь. Вернувшись в спальню, я обнаружил уже заканчивавшую одеваться Роксану, которая очень так нехорошо посматривала в сторону, где находились наши неожиданные гости.

– Вести важные. Срочные, но хорошие, – сразу же пояснил я, сбрасывая халат и одевая более подходящие для приема пусть и своих, но все же гостей вещи. – Потому пока и не спросил, что именно.

– Зато эти две... – в последний момент Рокси удержалась от какого-то явно уничижительного эпитета. – И так по всем постелям пробежались, теперь на нашу заглядываются! И даже мое присутствие этих... жриц не смущает.

– Сестричек смутить, как по мне, в этих делах уже ничего не способно. Особенности восприятия мира у жриц Лады... крайне непривычные для многих. У высоко стоящих на храмовой лестнице жриц так и вовсе за грань разумного заходит. Так что я предпочитаю принимать их такими, какие они есть. Да и вообще, они забавные. Поэтому не надо кидаться в их круглые попки и прочие выделяющиеся места чем-то чувствительным для хрупких девичьих тел.

– Это они-то хрупкие? – все еще изображая возмущение, фыркнула Роксана, но уже скорее нарочито, чем на самом деле. – Сказала бы я тебе... Оделся? Тогда пойдем, я страсть

как хочу узнать, чем нас хотят обрадовать.

И я хочу, хотя и могу строить определенные догадки. Однако они сейчас ни к чему, ведь и так скажут, ничего не скрывая.

Ну да, как только мы со Змейкой вышли в комнату, которую я для себя называл приемной... Не успели даже приесть, как Гуннар с ходу озадачил нас приятной новостью:

– Было сражение в водах близ Роскильде-фиорда и в нем самом. Наш Эйрик победил. От кораблей Свена Вилобордого немного что осталось.

– Подробностей хочу! – радостно оскалился я, плюхаясь в кресло. – И побольше, и со всех сторон, как военных, так и иных, не менее значимых.

К моему искреннему сожалению, относительно политических последствий данной победы пришлось обломаться в полный рост. Этих новостей пока просто не было. Оно и понятно, ведь только-только само известие о победе до нас дошло. Зато чисто военных, тех и впрямь хватало.

Петля все сделал правильно. Соединился со всеми союзниками, выслав разведчиков. Обнаружил место сбора вражеского флота, после чего, не затягивая, заставил данов вступить в сражение. При первой стычке те потеряли – немалой частью от метательных машин на наших драккарах – около трех десятков судов, после чего отступили под защиту крепости Роскильде и географических особенностей Роскильде-фиорда. А затем, под покровом ночи, Эйрик использовал

брандеры. Много брандеров, полтора десятка.

Были свои сложности, касающиеся того, чтобы хотя бы часть оных смогла добраться до вражеских кораблей. Однако, все оказалось решаемо. Несколько ложных атак в сумерки, под этим прикрытием разведывание верного пути, минуя мели естественные и искусственные. А темнота... она всегда помогает.

Десяток брандеров были перехвачены «дежурными» кораблями данов, в результате чего все они – и брандеры, и датские суда – исчезли в огненных вихрях. Ну а остальные все же добрались до места назначения, подпалив большую часть флота Свена Вилобородого. И уже потом, в качестве завершающего аккорда, в Роскильде-фиорд медленно и осторожно вошли нормальные драккары, а не брандеры. Добивать то, что осталось от датского флота. Заодно и потчевали глиняными ядрами с «греческим огнем» внутри и ливнем стрел и арбалетных болтов любое подозрительное место на берегу. Большею частью просто так, но порой и вполне себе результативно. Потери были, спору нет, но в сравнении с вражескими они... не впечатляли. Особенно если учитывать, что немалая их часть из-за откровенной глупости Свейна, сына и наследника Хакона Могучего, дуриком сунувшегося в грамотно организованные норвежцами ловушки.

Итог? Лишившийся собранного у Роскильде флота датский король. Невозможность послать морем подкрепления по ту сторону, к Лунду и иным крепостям. Господство на

море союзного русско-норвежско-йомсборгского флота, дающее возможность шаг за шагом лишать Данию всех островных территорий.

Выслушивая развернутое повествование Гуннара о действительно значимой и с далеко идущими последствиями победе нашего флота, я аж закрыл глаза и мечтательно заулыбался. Вот что значит соединить заблаговременное планирование и инициативу на местах. Эйрик просто умница, вряд ли бы кто иной на его месте справился лучше! И другие, как я понимаю, себя хорошо показали. Ну, за исключением излишне ретивого Свейна, ну да он не моя проблема. Пусть с ним Хакон разбирается, его же сынуля.

– Теперь нет смысла что-то скрывать, брат, – констатировал очевидное Бешеный. – Норвегия, при поддержке нашей и Йомсборга, воюет с Данией. Если ты хочешь, то можешь «обрадовать» этой вестью послов.

– Они и так узнают, – отозвалась сидящая на подлокотнике моего кресла и жизнерадостно болтающая ногами в воздухе Роксана. – Да и о чем с ними говорить-то!

– Ну, красавица моя, тут ты не совсем права. Есть Генрих Клернийский, с которым поговорить небесполезным может оказаться.

– Тогда сразу, чтобы как снег на голову на него это обрушить!

Добрая Змейка! Хотя она права. В таких делах затягивать не стоит, лучше сразу зайти с козыря, чтобы потом понаблю-

дать за реакцией посла. Да и чем раньше он отправит послание своим повелителям... точнее повелительницам, тем нам лучше. Генрих, он человек и неглупый и... вменяемый. Да к тому же не из числа «ястребов» по отношению к Руси. Хотя бы по той причине, что успел распробовать получаемые от торговли с нами выгоды. О нет, никаких взяток, прямых или косвенных. Ну разве что самым краем, самым-самым, едва заметно даже для наблюдательных персон. Ведь заранее продемонстрировать Генриху Клернийскому тот или иной товар из числа особенных, после чего намекнуть, когда и сколько его появится. Нормальная беседа с послом. А уж то, что он делает из разговора определенные выводы и совмещает выгоды для империи с пользой для себя родимого. Так это уж чисто его дела, я тут как бы и ни при чем.

– Что с войском, Хальфдан?

– С ним все хорошо...

– Да я не о том! Пора выводить его из Киева к рубежам, но только чтобы не было очевидно, что оно на Польшу нацелено.

– А пруссы на что? Пусть войско из Киева поближе к их рубежам сдвинется, а то и прямо на их земли. Договоренность с их племенными вождями есть, золота часть они уже получили. С прусских земель хоть по Польше бить, хоть на драккары садиться, чтобы к венедам отправиться, а оттуда датские земли своим присутствием удивлять.

– Можно еще блазнить поляков и самого Мешко Пяста

тем, что мы за плату хотим пройти через его земли, – промурлыкала Софья, приняв такую позу, что ее немаленький бюст вот-вот был готов вырваться из глубокого выреза платья. Да, сестра?

– Да, сестра... Он не поверит, конечно, но мы от того не в убытке. Пусть думает.

– Думы – это хорошо...

– Когда они в печаль врагов ввергают.

– Да.

Мозгоклющицы! И ведь по делу говорят. Чем больше тумана, тем нам лучше. Пусть все вокруг дергаются и нервничают. Партия специально просчитана таким образом, что у нас заготовлены реакции на любой ход соперника. «Туман войны» появится лишь впоследствии, от него, к сожалению, никуда не деться.

А дальше... Разговор аккуратно свернули, потому как новости доложены, услышаны, даже решение о необходимости перемещения войска из Киева на земли пруссов принято. Это не говоря о менее значимом вроде желательности побеседовать с послом Священной Римской империи.

В общем, все трое гостей удалились, хотя сестричек-лисицек пришлось буквально выпроваживать, а те лишь кокетливо глазками стреляли. Ну а у нас с Роксаной наконец появилась возможность закончить то, от чего нежданные гости так нагло оторвали.

Разговоры с послами – дело, уже давно обратившееся привычной частью бытия, но вот менее сложным от этого оно не стало. Ведь разговоры разговорам рознь. Одно дело – обсуждения каких-то торговых договоров с одним послом. Со всем иное – официальное уведомление, что Русь отныне находится в состоянии войны с не самой незначительной страной. Такое принято говорить всем и сразу, да не абы где, а в престольном – он же тронный – зале. Помпезность, торжественность, присутствие приближенных, жрецов, военачальников... и тех самых послов.

А их, послов, на Руси было не так уж и мало. Особенно после того как я, привычный к наличию постоянных посольств по реалиям своего мира, намекнул об этом желании. Желания подобного рода, озвученные правителями, имеющими солидный вес, принято принимать во внимание. Вот и приняли...

Раньше в Киеве на постоянной основе терлись представители Византии, Священной Римской империи, да еще, пожалуй, Хазарского каганата. Ну тогда, во времена Владимира. Сейчас же ситуация сильно изменилась. Болгария, Венгрия, Польша, Норвегия, Дания, Швеция, Булгария... Откровенные союзники вроде представителей Венедского Союза, полувассального Йомсборга и диких пруссов. С последни-

ми, правда, было сложно по той причине, что четких лидеров среди племен не наблюдалось. Но как-то выкрутились, послав сразу нескольких своих представителей. Просто так, чтобы символизировать. Даже такая экзотика для Руси этого времени, как послы от Шотландии, Англии и Франции с Бургундией, появились. И это явно не предел, нутром чую. Особенно учитывая тот факт, что торговые потоки, ведущие от нас во все эти страны, становились все более выгодными для всех сторон.

Товары-то серьезные, такие мало где найдешь, не говоря уже о соотношении цена – качество. Бумага, печатные книги, высокого качества зеркала. Ну и привычный товар, но от того не становящийся менее ценным. Какой именно «привычный» товар? Да вроде мехов, моржовой и мамонтовой кости, добываемых на Севере в качестве дани и просто добычи от диких племен. Сюда же стоило отнести клинки харалужнойковки, броню, изделия златокузнецов опять же.

Ну и к нам везли товары, чего уж там скрывать. Шелк тот же на Руси не получить без должных материалов, коих у нас пока не было, а как добыть, лично мне покамест неизвестно. Красители опять же, которые ценились очень даже высоко, восточные пряности. Нефть... Это и вовсе для меня товар стратегического значения, потому как не с нынешним уровнем техники добывать ту, которая в пределах теперешней Руси находится.

Так что... Торговля и политика на государственном уров-

не очень сильно связаны. Послы же служили очень полезным передаточным звеном. И не только в плане экономики. Тайная Стража Гуннара и вездесущие прекрасные жрицы Лады искали и находили подходы к некоторым из посольской свиты и обслуги. А любой такой ход – это источник ценной информации, порой даже возможного влияния на мысли влиятельных персон. Да и дезинформацию уже о наших делах скармливать тоже полезно. Как ни крути, а присутствие послов из всех значимых стран на постоянной основе – штука полезная.

Наконец, чисто культурный аспект, равно как и эстетический. Киев и так был важным центром в Европе, а уж с учетом увеличения в нем значимых персон... Еще один плюсики в копилку влияния на международной арене.

Но сегодня будет случай особый. Ведь официальное объявление войны в торжественной обстановке – случай для меня новый. К тому же...

– Все приглашенные уже в престольном зале, конунг, – произнес появившийся на пороге комнаты, находящейся неподалеку от зала, Одинец. – Только тебя с супругой и не хватает.

– Иду. Рокси?

– А я готова!

Вот и хорошо. Остается взять очаровательную валькирию под руку и двинуться вперед. Сначала из комнаты, потом по короткому, но широкому коридору. А вот и дверь в пре-

стольный зал. Не та, через которую входят приглашенные, а другая, с иной стороны. Для некоторых ближних, хирдманов охраны и нас со Змейкой. А охрана... Ее здесь хватает. Тут и речи не идет об излишестве, суровая необходимость, особенно если вспомнить, сколько раз меня пытались устранить самыми разными способами.

Делаем всего несколько шагов по престольному залу. И вот он, собственно престол. Точнее даже два: один мой, другой для Рокси, как для законной жены. Только последний несколько пониже. Ну так оно и понятно.

Автоматически окидываю взглядом зал и замечаю, что собравшиеся искренне заинтересованы в причине сегодняшнего приглашения. Значит, суть им неизвестна, что не может не радовать. Послы, приближенные, хирдманы охраны... все тут, все заняты своим делом. Именно делом, потому как некоторые слушают, другие наблюдают, и все пытаются добиться своих целей.

А вот и доселе стоящий чуть позади престола Магнус выходит вперед, пару раз громко ударяет своим посохом о пол и начинает громким, хорошо поставленным голосом изрекать «протокольные фразы». Не слишком навороченные, ибо у нас тут не Царьград и не Рим, но все равно необходимые.

Слова, слова... Стоп. Теперь и суть пошла:

– ...приняв просьбу правителя Норвегии, конунга Хакона Могучего, конунг Руси Хальфдан Мрачный, союзно с ярлом Йомсборга Торкелем Высоким присоединился к войне про-

тиву короля данов Свена Вилобородого. И продлится война до той поры, покуда король Дании не уйдет с земель, которые ему не принадлежат. А также покуда не прекратит гонения на тех своих ярлов, воинов и простой люд, который почитает свою исконную веру в тех богов, коих и мы на Руси почитаем.

Взгляд жреца Локи уже в мою сторону. Знак...

– Да будет так, – говорю, не вставая с престола. – Бесчинства Свена Вилобородого, который продолжил гонения отца своего, Харальда Синезубого, на лучших людей своей земли, мне не понаслышке ведомы. Поэтому... Пусть Грам Золотой, посол короля датского, приблизится.

Вот он, посол Вилобородого. Представительный, опытный царедворец, почти без акцента говорящий на русском и действительно умный человек. Почему Золотой? Двоякая причина. Во-первых, цвет волос, и впрямь более всего напоминающий расплавленное золото. Во-вторых, богатство его семьи, полученное, кстати, от набегов на разные земли. Нормальное явление, естественное.

Приблизился на положенное по нашим правилам расстояние. С учтивостью поклонился и ждет. Что ж, заставлять его томиться просто неприлично.

– Поскольку между Русью и Данией война, то ваше присутствие здесь, посланник Свена Вилобородого, неуместно. Срок на сборы – три дня. Вам и вашим людям выделяют охрану, после чего убедятся, что вы благополучно пересекли гра-

ницы Руси. После заключения мира я буду рад видеть вас или того, кого изберет ваш король быть своим посланником в Киеве. За имущество не беспокойтесь, никто и пальцем его не тронет. К тому же будет приставлена охрана. И еще, Грам...

– Слушаю вас, конунг.

– Эта война ведется не с Данией и не с данами, а лишь с теми, кто не просто отвернулся от богов предков, не просто открыл путь жрецам бога, распятого на кресте... А с теми, кто, сделав все это, ополчился на своих братьев по крови, заставляя тех либо упасть на колени перед крестом, либо умереть или отправиться в изгнание... если получится убежать. Передай это своему королю, ярл Грам. А если в тебе еще сохранились те, прежние понятия о чести и гордости – передай то же самое всем, кто может и умеет слушать. Этим ты никого не предашь, а лишь объяснишь, против чего и за какие идеи идет эта война. Война, в которой твой король уже лишился большей части своих кораблей. Та война, в которой крепость Лунд и иные, находящиеся по ту сторону моря, падали или вот-вот падут, не имея возможности получить подкрепления. Передай это... всем, кому считаешь нужным. И... прощай. Стража! Увести данов из зала. Со всем уважением к ним.

Вот так вот. И войну официально объявили, и со всей вежливостью посла со свитой выпроводили. И одновременно донесли до остальных послов причину вступления Руси в вой-

ну. Да и про желаемый результат упомянуть не позабыли. Хорошо!

Нужное – сказано. Зато можно посидеть и посмотреть, как перешептываются послы со своими советниками, друг с другом. Как они пытаются заводить разговоры с теми, кто считается моими, хм, придворными. Держу пари, что столь экстравагантных придворных большинство из них мало где видело. Чего стоят одни жрицы Лады, одетые в крайне откровенные наряды, но неизменно при оружии, а большая часть еще и с закрытыми лицами. Скрывать свой облик незачем лишь тем из них, кто точно не отправится куда-либо под очередной личиной.

– Генриху Клернийскому твои слова... не понравились, – шепнула на ухо Роксана. – Он почуял неприятности.

– У посла империи и впрямь хорошее чутье. И еще сильнее оно станет, когда ему передадут мое желание побеседовать. Не здесь, конечно. Наедине.

– А я?

– Ты... неотъемлемая часть меня, если так можно выразиться.

– Хорошо, – довольно улыбнулась Змейка. – Мне интересно...

– И мне тоже. Разговор обещает быть нескучным.

Ускользнуть удалось довольно быстро. Ну а посланники прочие так и остались в зале, благо тем для разговоров было более чем достаточно. А для желающих имелась и воз-

возможность поучаствовать в застолье. Благо в другом зале уже накрыли столы, легко способные расположить и накормить всех того желающих. В подобных делах скупиться точно не стоило. Расходы на представительство в делах государственных всегда себя оправдывали. Если только не впадать в откровенное и ненужное расточительство.

Генриха Клернийского долго ждать не пришлось. Появился быстро, начал было витиевато выражаться на тему того, как рад этой аудиенции и что большая честь. В общем, все в обычной дипломатической манере. Частенько я подобные выступления просто прерывал, но сейчас был несколько не тот случай. Пришлось выслушать весь высокопарный словесный поток и лишь после этого перейти к сути. Стою рядом со столом, глядя то на расстеленную на нем карту Руси и окрестных земель, то на посла, и говорю:

– Вы видите, Генрих, тут, кроме нас, никого нет. Только моя супруга, – взгляд стоящего посреди комнаты посла на пару мгновений смещается в сторону Змейки. Та сидит в кресле и поигрывает метательным ножом, а на лице довольное, но немного отрешенное выражение. – Но она и я неразделимы с давних-давних пор. Поэтому давайте будем говорить откровенно, как уже случалось. Без излишних слов, их я и так слишком много слышу.

– Как вам угодно, великий князь...

– Да, мне угодно именно так. Суть разговора, как вы поняли – это Дания и ее будущее.

– Будущее самой Дании не заботит моего сюзерена, – сверкнув глазами, произнес Генрих. – Но император Священной Римской империи с тревогой относится к тому, что христианская страна может... перестать ей быть.

– Времена меняются, дорогой Генрих. Вы же умный человек и должны понимать очевидное. Вот, взгляните-ка на эту карту, – жестом подозвав посла поближе, я указал на ту область карты, где была изображена Дания и ее окрестности. – На материке с Данией граничит лишь ваша империя. Зато остальные ее владения... Для того, чтобы король Свен Виллобородый смог удержать их за собою, нужны корабли. Для перевозки войск хотя бы. Но достаточного числа боевых судов у него с недавних пор просто нет. И это значит...

– Я достаточно искушен в военном деле, чтобы понимать очевидное. У союза Норвегии, Руси и Йомсборга достаточно кораблей, чтобы прекратить любое сообщение материковых владений короля Свена и его островных земель. И вы можете переправить достаточно солдат, чтобы завоевать Данию. Но мой сюзерен будет огорчен этим.

«Будет огорчен» в переводе с дипломатического – будет в ярости и непременно предпримет ответные действия. Не сам мальчишка-император, конечно, а его мать и бабка – регентши империи.

– Вот и я не хочу быть причиной огорчения юного императора Оттона Третьего, – искреннюю по возможности улыбку. Просто так, за ради хорошего тона, а не с целью обмануть

прожженного дипломата и интригана. – Быть может ваш император обнадежит короля Свена Вилобородого, что сделает все возможное для того, чтобы союз Норвегии, Руси и Йомсборга ни за что не высадился на земли его материковых владений? Ведь к чему ссориться с великой и могучей империей, если можно с ней договориться по-хорошему.

– Вы предлагаете... – оторвал взгляд от карты посланник. – Что именно вы предлагаете империи?

– Проблемы для вашего давнего соперника. Для Франции! Нам не в новинку совершать набеги на их прибрежные владения. Но одно дело, когда они совершаются тайно, а совсем другое, если об этом будете знать вы. Думаю, столь мудрые женщины, как Феофано и Адельгейда, поймут выгоды такого взаимодействия. Наши корабли, как многие уже убедились, ничуть не уступают византийским. А последние, в свою очередь, уже давно считаются наилучшими.

Я знал, что именно предлагать империи. Особенно в свете того, что мир был заключен всего три года назад. И пункты мирного договора не устраивали обе стороны. Просто обеим сторонам нужна была передышка для того, чтобы навести порядок на собственных землях, только и всего.

Зато координация действий войск империи и варяжских набегов на Францию... О, это был очень, ну просто чрезвычайно заманчивый кусок. Не озвучить подобное предложение своим повелительницам Генрих Клернийский просто не мог. Он это знал. Я это знал. И он знал, что я знаю.

– Я обязательно отправлю своему сюзерену послание с верными людьми. Они поедут быстро.

– Не сомневаюсь в этом, – позволил я себе саркастическую усмешку. – Отдайте нам кусок Дании и получите гораздо больше. Империя от такого размена только выиграет. Да и Свен Вилобородый будет обязан императору Оттону сохранением трона.

Посол глубоко поклонился, всем своим видом показывая, что меня услышал, понял суть и готов исполнить свой долг перед империей. Задерживать его не имело ни малейшего смысла, поэтому, вежливо попрощавшись, я отпустил Генриха Клернийского. Теперь все зависело не от него и даже не от нас. Исключительно от двух облеченных властью женщин и их мышления.

Интерлюдия

Июнь (кресень), 990 год, Рим

Джованни ди Галлина Альба, он же Папа Иоанн XV, был скорее доволен, чем разочарован. После грамотно разыгранной партии ему действительно удалось устранить своего главного противника в Риме, проконсула Иоанна Кресцентия. Тот, будучи обвиненным в покушении на императрицу-мать Феофано, бежал из Вечного города с немногими приближенными и малой частью имевшихся у него богатств. Бежал в Неаполь, под крылышко герцога Марина II, верного вассала Византии.

Теперь Рим принадлежал ему, соперников из числа знатных италийских родов у него не оставалось. Поддерживающие род Кресцентиев впали в немилость, лишены немалой части богатств и земель. А другие либо изначально поддерживали его, Папу, либо переметнулись сразу, когда поняли, откуда ветер подул.

Конечно же, выпавшую из рук Кресцентиев долю власти следовало закрепить, приблизив к себе одну часть знати, обнадеев другую, запугав третью... Но это уже делалось, просто без излишней спешки и суеты. Спешка, она показала бы его неуверенность в собственных силах. А этого он избегал всеми средствами.

И все было бы хорошо, если бы не странное желание Фе-

офано перенести резиденцию как свою, так и императора, своего сына, именно сюда, в Рим. Подобное было... несколько неудобно для его планов. Не опасно, а именно неудобно. Хотя мотивы регентши он понимал. Сакральный центр Священной Римской империи именно Вечный город, это знали все. Недаром и коронации императоров проходили исключительно здесь, в его стенах. Власть земная и власть духовная. О, императоры знали в этом толк! И императрица-мать, да к тому же византийка по крови, отнюдь не была исключением.

Сам юный император должен был прибыть в течение месяца-двух, ну а его мать-регентша и вовсе не собиралась покидать Рим. Это... раздражало, но вместе с тем позволяло через своих шпионов быть осведомленным о происходящем при дворе императрицы без запоздания. Потому и появление людей из посольства в Киеве не могло пройти мимо Папы. А содержание послания секретом не стало, да и сама императрица-мать не особо стремилась делать из него тайну для своих приближенных.

Предложение великого князя Хальфдана было... достойным даже интригана из числа италийской знати. В обмен на кусок от Дании русский князь предлагал помощь во французских делах, равно как и обещание более не беспокоить то, что останется от обрезанной до материковых земель Дании. Выгодное предложение... для империи. Но вредное для Рима. И совсем неприемлемое для него самого, Джованни ди Галлина Альба.

Разумеется, про последнее никто, за исключением совсем уж верных людей, знать не должен. Зато насчет вреда предложения русского князя для Рима и всей христианской церкви — здесь огласки чем больше, тем лучше. Ведь еще не было такого, чтобы идолопоклонники шли не на простую войну за земли и золото, а с целью вернуть на «законное» место своих богов и посвященные им храмы. Уже само объявление подобной цели было унижительной пощечиной всему христианству. Достижение ими своих целей будет еще более серьезным ударом. Ну а ничегонеделанье тех, кто может этому помешать... О, он, Папа Иоанн XV, отлично знает, какой именно ложкой надо помешивать мутное и ядовитое варево интриг внутри Священной Римской империи. Потому и попросил императрицу-мать почтить его своим визитом в Ватикане.

Отправленное Феофано письмо было написано в настолько уважительном и почтительном ключе, что на него просто нельзя было не ответить согласием. Иоанн XV специально постарался, понимая, что это всего лишь слова, которые увидят немногие. Зато то, что не он отправился к регентше империи, а она прибыла к нему, на его территорию, увидят все вокруг. Увидит римская чернь, а ее мнение для него в настоящее время важно. И будет оставаться таковым еще... некоторое время. Недолгое, но все же значимое.

Феофано... приняла приглашение, появившись в Ватикане с небольшой, по ее меркам, свитой и большой, что бы-

ло вполне обосновано после недавнего покушения, охраной. Когда закончился обязательный для обоих церемониал, начался собственно разговор, ради которого Иоанн XV и пригласил регентшу империи.

Один на один разговора не получилось, хотя сам Папа от такового не отказался бы. Хитрая византийка всегда предпочитала иметь рядом одного-двух советников из числа тех, на которых можно опереться в тех вопросах, в которых она слабо разбиралась. На сей раз советник был один. Архиепископ Майнцкий Виллигиз, эрцканцлер империи.

Несмотря на духовный сан, он никоим образом не относился к тем, кого Джованни ди Галлина Альба осмелился бы назвать своим союзником при дворе. Союзником института папства как такового? Несомненно. Усиления влияния церкви? Тоже да. Но был один нюанс, из-за которого эрцканцлер был для него вреден. Архиепископ Виллигиз являлся категорическим противником того, чтобы власть Папы была отделена от власти германских императоров. Да и к тому же Иоанну XII отношение у архиепископа было сугубо отрицательное. Он считал, что покойный Папа был опасен прежде всего для самой церкви.

Поэтому никакого доверия от Папы нынешнему эрцканцлеру ждать не приходилось. Хотя он этого себе и представить не мог. Почтительно поцеловал Иоанну XV руку, после чего, улыбнувшись, отступил назад, заняв место за причудливо украшенным креслом венецианской работы, в котором си-

дела императрица-мать Феофано. И приготовился, случись надобность, ответить на ее вопросы по той или иной теме. Хотя и догадывался, о чем пойдет разговор.

Впрочем, секретом это не являлось ни для кого из тех четверых, кто собирался участвовать или просто присутствовать. Да, именно четверых, ведь если регентша империи привела с собой сопровождающего, то и Папе грешно было хоть в чем-то ей уступать. Правда его, скажем так, советник был компетентен в несколько иной сфере, чем церковные дела или творящееся при императорском дворе. Ведь невдалеке от Папы, скрывая обезображенное шрамом лицо, стоял не кто иной, как Джованни ди Торрино, с недавних пор назначенный главой личной охраны понтифика.

Назначение это состоялось потому, что Папа решил приоткрыть часть имеющейся у него силы. Не полностью, лишь малую часть. Это было необходимо хотя бы для того, чтобы держать в повиновении итальянские рода. Не давать им усомниться в том, что его власть зиждется не только на духовном, но и на материальном... На поддерживающих его клинках, верных исключительно ему и никому больше. И тут известная в определенных кругах и откровенно пугающая фигура ди Торрино была как нельзя более кстати.

Глупо было думать, что Феофано и архиепископу-эрцканцлеру не доложат о том, кто именно стал главой охраны Иоанна XV. Но сейчас и им полезно было узнать о том, что понтифик держит город крепко, не давая всяким недобитым

бунтовщикам вновь учинить что-то этакое.

– Вы знаете, императрица, почему я осмелился отвлечь вас от государственных дел, – прервал ненадолго установившееся молчание Папа. – Вера в господа нашего, Иисуса Христа, подверглась гонениям там, где, как мы думали, ее ничто не сможет поколебать. В королевстве Дания, где правит король Свен, верный Риму христианин, продолжающий благое дело отца своего.

– Мы знаем об этом. Наш посол в Киеве прислал письмо. О чем вы, ваше святейшество, также осведомлены.

Мимолетная даже не улыбка, а легкий намек на нее у Феофано. И едва заметный кивок от собственно Папы. Обе стороны знали и понимали, что шпионы – дело естественное.

– Великий князь Киевский... опасен для нас. Для церкви, Рима и даже для империи.

– Неужели и для империи?

– Да. Он умеет доставлять большие проблемы тем, кого посчитает своим врагом. Бывший князь Киевский, Владимир Святославович, лишился трона и был вынужден бежать в единственную оставшуюся верной провинцию. Устроенное Хальфданом Мрачным избиение диких степных племен, чьи набеги досаждали Руси, вселило страх не только в оставшиеся целыми племена, но даже в сердце кагана Хазарии, этого далекого, но все еще сильного государства. Огромный выкуп золотом и торговыми льготами подтверждает очевидное. Затем смерть византийского императора. Очень стран-

ная смерть, выгодная Болгарии и Руси.

Взгляд Феофано в сторону эрцканцлера. И тот сразу же склоняется, что-то шепча на ухо своей повелительнице. Та милостиво кивает в знак того, что слова услышаны и восприняты, после чего говорит:

– Но теперь муж Анны, императрицы Византии – тот самый князь Владимир, злейший враг Хальфдана Киевского.

– Это не так важно, императрица, – Иоанн XV позволил себе слегка снисходительную улыбку. – Византия не просто ослаблена поражением в войне с Болгарией. Восстание Варды Фоки не подавлено, он прочно удерживает за собой несколько отложившихся провинций, укрепив там свою власть. И при любом дальнейшем ослаблении Константинополя продолжит военные действия. Хальфдан сумел ослабить Рим Восточный, установить добрососедские отношения с Болгарией и не только... Мои люди, верные сыны матери-церкви, донесли, что при дворе мятежника, Варды Фоки, видели гостей из далекой Руси. Они передавали слова и золото.

– Мы ошибались, – признала Феофано. – Это оставалось неизвестным. Благодарю вас, ваше Святейшество.

– О, это мой долг, помогать Священной Римской империи, – успешно пряча ненависть за елеинной улыбкой, произнес ди Галлина Альба. – Но про то, что в столице Болгарии был, спустя многие годы, открыт языческий храм, пусть и на земле посольства Руси, это ведомо всем.

Да, про это императрица-мать знала. Как и ее эрцканцлер, да и все, кто мало-мальски интересовался политическими и духовными событиями в далеких странах. Шуму это событие наделало много!

Ведь если в столице Болгарии открывается храм «идолопоклонников», причем с разрешения самого царя Самуила, то... Открыто бросать в темницы или убивать «язычников» вроде бы и можно, но в то же время становится как-то страшновато. А вдруг это лишь первый шаг? А вдруг откроются новые храмы старых богов? И особенно пугало христианских священнослужителей то, что их привычное рвение будет... не так благосклонно принято коронованной особой.

Особенно болезненно было воспринято то, что после проведения в храме первых языческих обрядов лично царь Самуил объявил, что приходящие в этот храм не будут преследоваться. Ибо таков его договор с князем Киевским, такова благодарность за спасение от византийского коварства. И слова, что храм будет единственным, они как-то не особо впечатлили. Умные люди помнили, что распространение христианства в Болгарии начиналось с гораздо меньшего, чем храм под надежной охраной, да еще и неподалеку от центра столицы.

Императрица-мать и ее эрцканцлер в сане архиепископа это понимали лучше многих. Но Болгария – все же восточная ветвь христианства, об этом пусть у константинопольского патриарха голова болит. По крайней мере, болит боль-

ше, нежели у Рима. А вот Дания – это уже та земля, доходы с которой идут отнюдь не в Византию. К слову, доходы с тамошних приходов были немалые. Лишиться их... было не то чтобы болезненно, но для влияния церкви весомо.

– Значит вы, ваше святейшество, полагаете, что предложение князя Киевского о помощи нам во французских делах...

– Станет признанием слабости империи, – ответил ди Галлина Альба, когда стало понятно, что фраза была оборвана Феофано намеренно. – И не ограничится князь Хальфдан частью Дании. За ней последуют другие земли. Христиане, еще оставшиеся на Руси, скрывающие свою веру, доносили, что жрецы идолопоклонников ждут того дня, когда смогут восстановить свою власть над теми землями, откуда были изгнаны, как нечестивцы, противные единому Господу нашему. Послушайте, что пишут мне они в своих посланиях. Или можете прочитать их сами.

Императрица-мать предпочла последнее, и Джованни ди Торрино передал несколько листов скатанного в трубку пергамента в руки эрцканцлера. Тот, в свою очередь, быстро пробежал взглядом одно такое письмо, другое, скользнул по остальным, удостоверяясь. Ну а потом вновь зашептал что-то, предназначенное лишь для ушей Феофано.

– Святой Престол предлагает нам объявить войну Руси? – выслушав эрцканцлера и обдумав сказанное, спросила Феофано. – И что тогда будет делать Франция? Гуго Капет будет

рад услышать, что мы вступили в войну с опасным врагом. А у этого князя Киевского достаточно ума, чтобы предложить уже ему союз против нас. Вы уверены, что король Франции откажется от этого лишь потому, что Хальфдан – правитель языческих земель? Даже его невмешательство кажется мне сказкой.

Умна... Иоанн XV умел признавать не нравящееся ему, но тем не менее существующее. Да глупая женщина и не смогла бы сначала очень сильно влиять на своего мужа, Оттона II, потом, преодолев сопротивление многих, стать наряду с Адельгейдой регентшей малолетнего Оттона III, своего сына. И управляла империей она умело, сохраняя завоеванное ранее, пусть пока и не приобретя нового.

Такая не станет ввязываться в серьезную войну с опасным врагом под угрозой удара в спину от врага уже существующего. Но Иоанн XV предвидел подобное, потому не слишком унывал. Ведь есть не только Русь.

– Позвольте напомнить вам о венедских племенах, императрица. Вы помните, сколько бед они умеют причинять своими бунтами, находясь под властью империи, и набегам, выйдя из-под ее власти.

Феофано помнила. Ведь именно то самое восстание 983 года, завершившееся изгнанием верных Священной Римской империи маркграфов почти из всех славянских земель, завоеванных Оттоном Великим, стало роковым... Роковым для ее мужа, тяжело перенесшего такие вести и слегшего

в постель, из которой тому так и не удалось встать. Неудивительно, что одно упоминание о тех событиях вызывало приступы «высочайшего императорского гнева», как в таких случаях пишут в хрониках.

– При чем здесь эти дикари?!

– Князь Хальфдан ударил по Дании. Мы можем ответить, ударив по тем, кого поддерживает он. По этому их Венедскому Союзу племен. Киев доставил беспокойство христианской вере. Мы ответим... соразмерно. И Мешко Пяст, князь Польский, будет счастлив получить поддержку от Священной Римской империи.

– Воевать будет Польша?

– С благословением и поддержкой золотом Святого Престола и с помощью войск империи.

Говоря эти слова, Иоанн XV следил за выражением лица Феофано. Возможность начать войну чужими руками, поддержать влияние христианства, а заодно покарать ненавистных ей венедов... Императрице должно было это понравиться. Главное, чтобы все началось. А посильнее разжечь загоревшееся пламя войны – этому верные рабы божьи неплохо обучены. Лишь бы только начать, пролить первую кровь, да так, чтобы ее вкус и терпкий запах опьянил многих и многих.

– А что же Дания? – прищурилась Феофано. – Знаете ли вы, ваше святейшество, что король Свен прислал, тайно прислал, послов, которые молят нас о помощи?

– Теперь уже вы меня удивили, – склонил голову понти-

фик, признавая свою неосведомленность. – Мне казалось, что он сперва припадет к ногам викария Христа, а потом, осененный нашим благословением, отправится просить помощи у вас.

– В душе эти новообращенные христиане еще не забыли своих идолищ, – скривился эрцканцлер, впервые открыто подав голос. Правда, с разрешения императрицы-матери, жестом разрешившей ему говорить. – Они еще не научились, как должно почитать Господа нашего и его наместника на земле. Вот их дети будут гораздо более смиренными перед крестом и теми, кто носит его как знак своего духовного сана.

– Оставьте это, Виллигиз, – с прорвавшимся раздражением отмахнулся от эрцканцлера понтифик. – Чего именно просит Свен? Просит у Священной Римской империи, с которой не так давно воевал в союзе с теми самыми венедами. Похоже, он в отчаянии.

– Войск и особенно кораблей, – ответил архиепископ Майнца. – Результат морского сражения у Роскильде уже разлетелся по всем странам. И да, король Дании в отчаянии, поэтому готов принести вассальную присягу императору Оттону III.

– Но что решите вы, императрица? – со всем почтением спросил у Феофано Иоанн XV.

– Мы поможем... нашему вассалу, герцогу Свену Датскому. Защитим его владения на материке. Наши войска усилят

те, которые верны ему. Но кораблей он не получит. Флот северных язычников слишком силен, империя не видит причин рисковать.

Понтифик кивнул, принимая сказанное императрицей-матерью. Как то, против чего совершенно не возражал. До поры до времени он собирался изображать трогательное и благодостное единение власти светской и духовной. Меж тем Феофано еще не закончила.

– Отправьте доверенных людей в Польшу. Пусть они от вашего имени убедят князя Мешко, что церковь не оставит того, кто обнажит меч во имя истинной веры. А мой сын, император Оттон Третий, поможет войском против дикарей, осмеливающихся разорять христианские земли и отвергших свет истины. Вы лучше знаете, как это сделать.

– Я сделаю все, что от меня зависит. Рим и весь Патримоний святого Петра верны вам, императрица. Вам и вашему сыну. Особенно теперь...

Теперь, это после разгрома и изгнания Кресцентиев и их сторонников. Впрочем, последнее не было сказано вслух, потому как и так все всё понимали.

Разговор не был окончен. Просто теперь императрица-мать Феофано почти не принимала в нем участия. Да и Иоанн XV немного расслабился, ведь разговор с эрцканцлером был куда легче. Он был всего лишь духовным лицом, архиепископом, а значит, в определенной мере подвластным Святому Престолу, несмотря на должность при имперском

дворе.

Обсуждалось разное. Количество золота, которым Святой Престол должен был поддержать Польшу. Планы насчет того, каким образом, где и когда лучше провести вассальную присягу Свена Датского, иные, не менее важные вопросы. И понтифику приходилось тщательно следить за собой, ведь Феофано внимательно наблюдала. А в умении византийки делать выводы, казалось бы, из мельчайших наблюдений сомневаться не приходилось. Сомневающиеся были, но все они проиграли ей в борьбе сначала за влияние на Оттона II, затем в схватке за пост регента. Ну и теперь тоже проигрывали, потому как она правила империей от лица сына и, не случись чего-то непоправимого, продолжит править и по достижении им совершеннолетия. Ведь юный император был... слаб духом и склонен более к аскетизму и делам духовным, нежели мирским, что подобают правителю великой империи.

Впрочем, Джованни ди Галлина Альба притворяться умел чуть ли не в совершенстве, ведь иначе не поднялся бы по духовной лестнице до самой ее вершины и не сохранял бы это положение вот уже не первый год. И тем более не добился бы победы почти над всеми своими врагами и соперниками. Кроме последнего... последней.

И все-таки Папа был доволен. Особенно это проявилось тогда, когда столь важные гости покинули Ватикан. Только тогда он позволил себе сбросить маску, высказавшись в при-

сутствии лишь одного ди Торрино, который точно не стал бы болтать:

– Я сделал все, что мог. Бог не оставит своего наместника на земле.

– Надеетесь на бога, ваше святейшество? – улыбка вовсе не красила изуродованное лицо ди Торрино. – Никого из убитых мной молитвы не спасли.

Да, именно такой начальник личной охраны и требовался понтифику. И не столько для ощущения безопасности, сколько для того, чтобы можно было советоваться с умным и решительным человеком, к тому же не склонным к религиозному фанатизму или всяким там «молитвенным экстазам». Вот взять покойного Майоля Ключийского: всем был хорош старик, кроме своей истовой веры, которая его и погубила.

Ну, Джованни ди Торрино это явно не угрожает. Если поискать религиозность в его душе, проведя белоснежной тканью по самым укромным ее уголкам... может, пара пятен на ткани и появится. Не больше. Подойдя к столу и перебирая различные бумаги, важные и не слишком, понтифик произнес:

– Императрица-мать Феофано ненавидит венедов. А венеды – союзники князя Киевского. Польша ударит по идолопоклонникам. Они призовут Хальфдана. Войска империи войдут в датские земли... Сразу же после того, как Свен Датский принесет вассальные клятвы. Постепенно в войну втя-

нется немалая часть имперских войск. Как раз то, чего я и добиваюсь. А потому... Как обстоят дела с моим войском?

– Оно растет. Не только за счет наемников. Многие знатные италийцы, почуяв, что после изгнания или падения Кресцентиев и их сторонников освободились богатые земли, также вливают в него свои отряды. Они надеются, что вы одарите их за верную службу.

– Надежда – это благое чувство. Пусть надеются. Если все пройдет по моему замыслу, то некоторых можно и наградить. Что мой союзник Уго Тосканский, владетель Сполето и Камерино? Еще не передумал стать королем Италии?

– Это его мечта, ваше святейшество. А ваша поддержка дает ему возможность ее воплотить. И да, он предоставит вам свои войска с собой во главе. В обмен на корону Италии.

Ди Галлина Альба, отбросив один из документов, расхохотался.

– Я его короную! Но пусть не думает, что получит власть над всей Италией. Пусть подбирает то, что восточнее его Тосканы и Сполето. А остальная Италия – моя. Романия и Верона ему никогда не достанутся. А если что и достанется, то малая часть.

– Уго Тосканский догадывается об этом. Но надеется, что новый Папа окажется более... податливым. Ведь все мы смертны, но лишь Святой Престол не передается по наследству и даже просто по выбору того, кто на нем восседает.

– Пока не передается. Ведь разве в Библии упомянуто что-

то о выборах Папы или его назначении светскими властями? Разве Господь наш оставил на это свои указания?

– Такого я не читал.

– Значит, этого и нет, мой верный Джованни. Но об этом можно будет говорить тогда, когда власть Святого Престола, моя власть, достаточно окрепнет. Пока же... Что насчет Венеции?

Перед тем, как ответить на заданный понтификом вопрос, ди Торрино попытался восстановить утраченное было спокойствие. Раньше со стороны Иоанна XV были лишь более или менее явные намеки, теперь же прозвучали слова, которые нельзя было толковать двояко. Нынешний Папа хотел обрушить установленный с самого начала порядок передачи духовной власти. И это было... возможно. И конечно, давало огромные возможности тем, кто окажется ярдом с понтификом. Само собой лишь в том случае, если затея удастся. Впрочем, он сам уже сделал свой выбор. Ну а если постигнет неудача... В мире много мест, где хороший наемник с немалым числом верных ему лично людей и с полным кошельком золота не пропадет. Ему ведь все равно, кому служить, лишь бы не слабакам и неудачникам.

– Ну а Венеция...

– Дож Венеции Трибуно Меммо – бесхребетное ничтожество. Он не будет воевать, даже если притащить его на поле боя за ноги.

– Зато он очень набожен, Джованни.

– Таковы многие из трясущихся слизняков, – пренебрежительно скривился ди Торрино. – Но этот... Помиловал убийц отца своей жены... Любимой жены, что важно. И далее вел себя столь же.... смиренно и миролюбиво, показав, что с ним можно вообще не считаться и делать все, что только позволяют собственные силы и влияние. Венецианская знать этим широко пользуется. Его скоро свергнут.

– Кто?

– Больше всего выделяется Пьетро Орсеоло, сын одного из бывших венецианских дожей, – немного подумав, ответил ди Торрино. – Властолюбив, жесток. Ради своих целей готов пойти на все. У его отца было много сторонников, поэтому сначала опирался на них, теперь нашел новых. Особенно тех, кто хочет расширения подвластных Венеции земель. Пьетро военачальник, он знает как и что делать.

Иоанн XV призадумался. Сказанное его охранником и советником было довольно интересным. Нет, о никчемности нынешнего венецианского дожа он знал и так. Равно как и о чрезмерной набожности, которая как раз и позволяла гарантировать его полное невмешательство в грядущие дела. Но если его вот-вот свергнут, то это не то чтобы заставляло поменять кое-что в планах... Скорее уж позволяло воспользоваться представляющейся возможностью приобрести еще одного союзника. Возможно, кратковременного и ненадежного, но ему и этого хватит.

– Пошлешь доверенных людей в Венецию. К Пьетро Ор-

сеоло, – решил понтифик. – При них будет письмо, заверенное моей рукой и печатью. Обычное, в котором говорится, что его предъявитель действует от моего имени и имени церкви. Уверен, мне не нужно напоминать, что оно не должно попасть в чужие руки.

– Не попадет.

– Твои люди должны будут передать венецианцу, что Святой Престол хочет видеть его следующим дожем Венеции. Пусть он собирает сторонников и готовится взять власть. Мы ему поможем. Но! Сначала он должен будет приехать к нам в Ватикан.

– Я бы сделал кое-что еще...

– Слушаю тебя. Джованни?

– Род Орсеоло известен своей хитростью и умением менять покровителей. Потом, когда Пьетро появится в Ватикане, привяжите его к себе письмами, в которых будет что-то важное. То, что при обнародовании сильно усложнит сохранение им власти.

– Ты начинаешь становиться политиком, Джованни. Я рад. Только...

– Другие не дадут мне больше, чем можете дать вы, ваше святейшество, – понятиливо усмехнулся ди Торрино. – Я убийца, но не глупец.

Понтифик ничего не ответил, лишь махнул рукой. Дескать, все нормально, просто напоминание и не более того. Впрочем, разговор о делах венецианских еще не был закон-

чен.

– В Венецию поедет мой легат. Открыто, ни от кого не таюсь. Он пригласит в Рим дожа Венеции Трибуно Меммо от моего имени. Для всех это будет визит, связанный с помощью Венеции в продвижении христианства. К тому же выбранный мной легат привезет в дар Венеции пару святых мощей. Каких именно – пусть сами разберутся, мне незачем вникать. Священные реликвии. С ними просто. Сколько надо, столько и появится.

Ди Торрино понимающе оскалился. Уж он давно подозревал, как церковь наживаете на мощах и прочих предметах. Теперь же, на службе Святому Престолу, подозрения превратились в знание. Понтифик не делал из этого тайны для своих приближенных.

– Вы уговорите его отречься?

– Да. Пожалую высокий сан, польщу его воистину христианскому образу жизни и все такое... Он отречется. А новый дож будет нашим должником!

– У Венеции много кораблей. И войско хорошее.

– Не будь у них этого, Венеция давно бы стала частью Священной Римской империи, – подчеркнул очевидное Иоанн XV. – Ты все понял, что надлежит сделать?

– Да, ваше святейшество.

– Тогда иди. А мне надо подумать.

Поклонившись. Джованни ди Торрино удалился, как и всегда, сделав это почти беззвучно. Ну и Иоанну XV стои-

ло еще как следует подумать о будущем противостоянии с империей. Пусть с ослабленной ведением войны, но все же остающейся могучей. Впрочем, этим он и занимался, изучая карты, делая заметки на чистых листах бумаги и время от времени ругаясь на излишнее, ну просто совершенно излишнее хитроумие своих соперников...

Глава 2

Июнь (кресень), 990 год, Пруссия

Оставаться в Киеве в преддверии предстоящих событий для меня как конунга было бы... странно. Поэтому не было ничего удивительного и тем более подозрительного в том, что я, вместе с собранным войском – его частью, но это уже детали – отправился на прусские земли. Якобы для подготовки к посадке на драккары, которые должны были начать перевозку войск из прусского города Трусо.

Город и впрямь располагался очень удобно для озвученных целей. Именно из этого порта драккары могли осуществить перевозку войск с наименьшими временными затратами. Ну а для сомневающихся относительно того, что наша варяжская братия могла погрузиться на корабли и на территории Руси... Что ж, был довод и для них. Только чуть более скрытый. Надо было чуток покопаться в слухах и сплетнях, подкупить кое-кого – заранее на это дело подготовленного для большей достоверности – и выяснялось, что князю Хальфдану Мрачному пришло в голову усилить свое войско за счет прусских наемников. Ну чтобы у датчан совсем никаких шансов не оставалось.

Один из лучших способов врать – приоткрыть часть правды, а уж в нее вплести ложную информацию. Вот тогда велик шанс, что проверив то, что относительно легко проверяется,

и убедившись в истинности узнанного, проглотят и оставшуюся часть. Ту самую, которая ну совсем далека от истины.

Город Трусо, это не только порт и торговый узел. То есть это, конечно, узел, откуда можно выдвинуться на Помезанию, а оттуда двумя ударными кулаками обрушиться на Староград и Хелмно. А с моря – атаковать Гданьск. Лишившись этих трех крепостей, поляки взвоют, ведь именно они служат ключевыми точками обороны на восточном направлении, от пруссов. Стратегия, однако.

Пятнадцать тысяч. Именно такое число воинов пришло с Руси в окрестности Трусо. По большей части пехота, потому как перед нами не стояла задача лихих рейдов. А вот взятие крепостей, для этой задачи конница не шибко уместна. Зато боевых машин было много. Их, конечно, доставили морем, по-другому было бы слишком хлопотно и долго.

Мало? Отнюдь, если вспомнить о том, что прусские наемники готовы были пуститься во все тяжкие по первой команде, а венеды и вовсе едва-едва удерживали естественные душевные порывы. К тому же слишком большое число воинов на землях Пруссии могло бы вызвать нежелательные вопросы. Да и о необходимости не оголять порубежье забывать не стоило.

Ах да, была еще часть войска под Искоростенем под командованием Ратмира Карнаухова. И вот она непременно сыграет свою роль, выдвинувшись как раз тогда, когда все начнется. Ее задача – исключительно быстрые перемещения

и удары по территории Польши. Не с целью осады крепостей или разгрома польского войска... Вовсе нет, всего лишь множество булавочных уколов, от которых поляки взвоят. А взыв, будут вынуждены решать: оторвать от своих войск большой кусок для противодействия Ратмиру с его конницей или же смириться с тем, что вроде спокойные земли превращаются в «дикое поле», где хозяйничают россы, словно у себя дома.

Да, на сей раз Ратмиру Карнаухому предстояло действовать отдельно от главной силы. Но во-первых, он из числа удачливых «вольных ярлов», хоть воля эта по большей части уже в прошлом. Во-вторых, пусть начинает проявлять себя в относительно свободном плавании. Доверие заслужить он уже давно успел.

Эйрик с союзниками... У них дела шли просто замечательно. Войско Хакона Могучего уже взяло приступом крепость Лунд и сейчас, так скажем, зачищало другие места по ту сторону моря... И значило это одно – вот-вот немалая часть вояк будет переправлена на Зеландию. Почему именно туда, а не на другие датские островные земли? Ну хотя бы потому, что Зеландия хоть и большой остров, но ближе всего к Норвегии. Да и про резвящихся на ее побережье варягов, викингов и йомсвикингов забывать не следовало.

Петля – кормчий опытный, да и имеющимися у него преимуществами грамотно пользовался. Все побережье нормальными силами из числа имеющихся датчане прикрыть не

могли. Вот он и устраивал болезненные уколы в варианте «высадились, ударили в уязвимое место, отступили, не дожидаясь подхода крупных сил врага». И никаких штурмов крепостей из-за опасения серьезных потерь, которые были бы ну совсем некстати. Да и йомсвикингов следовало беречь, как-никак почти что вассалы. Ну а норвежцы... После того как Свейн разок серьезно вляпался из-за своего излишнего рвения и тем самым неслабо так уронил авторитет в глазах собственных воинов... Ну да, они все больше косили взглядами в другую сторону. И даже те, кто этого не делал, предпочитали прислушиваться к советам более хитрых и осторожных.

И все равно – всем было понятно, что Зеландии, подвластной Свену Вилобородому, скоро станет даже не совсем плохо... ей не станет никак. Особенно учитывая тот факт, что многие местные жители почуяли, куда ветер дует. А как тут не почуять, если то и дело появляющиеся норвежцы и россы обходили стороной дома тех, кто мог быстро и четко доказать свое неприятие новой веры, но при этом рушили, предварительно вынеся все ценное, нововозведенные христианские храмы. Ну а жрецам распятого бога и вовсе не сулила ничего хорошего встреча с пришельцами под знаменами богов Асгарда.

Вот и призадумывались всерьез все те, кто не хотел лишаться нажитого имущества. Ведь для сохранности большей его части для тех, кто уже принял новую веру, но не от-

метился как особо истовый прихожанин, выдававший «идолопоклонников» или лично борющийся с «ложной верой», следовало... Ну да, именно наглядно доказать свою приверженность истинным богам, обитателям Асгарда. И было это довольно просто, следовало всего лишь принять деятельное участие в разрушении христианских храмов или же казни тех жрецов, которые отправляли на костер приверженцев старых богов.

Пока подобное было скорее эпизодами, но все понимали, что в скором времени это примет массовый характер. Как только подойдут подкрепления.

Что до собственно датского короля, Свена Вилобородого, он уже успел перебраться на материк. Почти сразу же после проигранной морской битвы у Роскильде. Понимал, что зажими его на землях Зеландии, выбраться будет почти что нереально. Вот и поспешил убраться на материк. Винить его за это точно не стоило – и как политика, и как полководца. Зеландия, по сути, была обречена. Она лишь оттягивала на себя наши силы. Как и другие острова, но это и так подразумевалось. Не зря же Вилобородый выводил оттуда верных людей и вывозил все малогабаритное и ценное. Для этих целей использовались те немногие корабли, которые у него все еще оставались.

Эйрик же... не мешал. Петля здраво рассудил, что лучше сосредоточиться за Зеландии, этом самом значительном и богатом датском острове. Остальные же... В конце концов,

оттуда уходят именно те, кто был бы враждебен. А добыча... Она в этом походе не главное, совсем не главное.

А сейчас десяток драккаров стоят в гавани Трусо, ожидая от меня знака. Знака насчет того, куда же обрушится наш удар. И кажется, что это уже ясно. Не зря же некоторые наши прознатчики донесли о том, что Свен Вилобородый готов дать вассальные клятвы императору Священной Римской империи. Мало того, уже спешит в Рим, где это все должно происходить. Ну а германские войска выдвигаются в сторону материковых владений Дании.

Все бы ничего, одно это можно было бы счесть за молчаливое согласие с разделом датского королевства между Русью и империей, но... Всегда дело в этом самом «но»!

Зашевелились поляки. Не по своему обыкновению, а серьезно. С церковных кафедр особенно громко заорали проповедующие уничтожение всех идолопоклонников. По дорогам запылили монахи, донося эти же мысли до самых далеких уголков. Причем основные заряды яда были направлены в сторону венедов. Следовательно... Рим планировал размен, но его планы лично меня совершенно не устраивали. Жертвовать венедами, нашим естественным союзником, я уж точно не намеревался. А поэтому следовало перемолвиться несколькими словами с «малым советом», после чего озвучить решение. Уже окончательное, от которого не отступить.

«Малый совет», кстати, особенный на сей раз подобрался.

Магнус и сестрички – это понятно, они стали уже неизменными спутниками. Зато представители от венецов и пруссов были той самой новизной, но весьма необходимой. Как-никак с первыми требовалось координировать действия, а вторые будут одним из ударных кулаков.

Вот они, красавцы. Наиболее сейчас авторитетный из прусских вождей-наемников, Витовт Тихий. И прозвище вовсе не от особенностей характера, а из-за умения неслышно подобраться к противнику ночью, да и познакомить его с острым кинжалом, что входит в спину, пробивая доспех. Он сейчас говорит не только от себя, но и от других командиров наемных прусских отрядов. Однако вменяем и даже не особо свиреп, когда не в битве.

От Венедского Союза двое. Один из лютичских князей Будимир Опаленный, а с ним... Не думал я, что доведется увидеть одного из верховных жрецов храма Святовита, что на острове Рюген, в городе под названием Аркона. Того самого острова, с которого родом Рарог-Рюрик. Старый, седой как лунь, но все еще крепкий телом, не говоря уже о духе. Гюрята Молчальник, именно так его представил лютичский князь, в то время как сам жрец, явно подтверждая свое прозвание, лишь кивнул в знак согласия.

Жрецы Арконы... Это народ совсем особый, всегда особняком державшийся, редко когда в мирские дела вмешивающийся. Хотя почти у каждого из этих жрецов бурное боевое прошлое. Но если уж появились, то это неспроста. Недаром

Магнус мне сказал, когда узнал о прибытии в числе венедов Гюряты Молчальника:

– Если здесь жрец из Арконы, то тебя признали, брат.

– Не совсем понял... – только и мог я ответить. – Где мы и где Аркона. Нет, я, конечно, рад появлению столь уважаемого жреца, это словно живая сказка для многих, но все же не понимаю.

– Ты когда-нибудь слушал, чтобы жрецы Святовита с Арконы из числа высших покидали остров Руян?

– Я и не прислушивался.

– Вот и зря, – ухмыльнулся побратим. – Они редко когда это делают. Но именно при их помощи Рюрик сверг прошлую династию и основал собственную. Хельги Вещий... К тому они приходили сами. Откуда, думаешь, предостережение о «змее»? Но Вещий хотя бы остерегался, потому отсрочил свою гибель. А вот Святослав Великий... Далеко был от понимания того, что боги нам подсказывают.

Тогда я хотел было спросить, откуда Магнусу-то такое известно, но... решил не лезть поперек батьки в пекло. Понял уже давно, что мой побратим, в силу своего жреческого статуса, знает кое-что из того, о чем другие в лучшем случае догадываются. И узнав, рассказывает мне. Наверняка не все, но уж точно ту часть, которая может помочь. А заодно и меня аккуратно подталкивает в сторону более глубокого изучения того, что считает «жреческой премудростью». К тому же убежден, что у него это получается.

В чем же убежден я сам? Уж точно не в атеизме. С этим направлением у меня и раньше никакой стыковки не было. Да и все случившееся со мной показывало, что мир куда сложнее, чем принято считать в моем родном времени.

Магнус же... Каждый раз в такие моменты он все больше и больше приоткрывал завесу тайны над... Над чем-то и впрямь серьезным. И сдается мне, что и сам жрец Локи был посвящен далеко не во все.

Но этот разговор состоялся чуть раньше. Сейчас же речь должна была пойти о более приземленных материях. При чем народ собрался на свежем воздухе, неподалеку от святилища одного из прусских богов, Свайстикса, которых отвечал в том числе и за войну. Логичный выбор, ничего не скажешь. Да и от чужих ушей защита хорошая. Никого из посторонних вокруг, лишь воины-охранники берегли приватность нашего собрания.

Никаких застолий, сейчас это было бы неуместно. Исключительно деловой разговор на свежем воздухе. Пышность у пруссов пока что была не в чести. Так что нагретые солнцем камни или обрубки пней, на которых можно сидеть. Большой камень как стол под карты и кубки с вином и иными напитками. И все.

– Мы ждем! – начал Будимир Опаленный, высказывая общее мнение всех венедов. – Ты, князь Хальфдан, попросил нас обождать, и мы послушали тебя. Видят боги, что не зря, твои воины быют данов. Но для нас они не столь важны.

Клинки жаждут крови тех, кто пришел на земли наших предков, осквернил их ложью и храмами чужого бога, построенных на месте наших храмов. Наших сожженных храмов, где пепел сгоревших изваяний смешан с кровью жрецов-воинов, воинов и простых людей, не пожелавших встать на колени и целовать сапог захватчика.

– Ожидание закончилось, Будимир, – вздохнул я, понимая, что это действительно так. – Я предлагал кое-что интересное Священной Римской империи. Это позволило бы нам сначала без проблем сокрушить Данию, а вам, Венедскому Союзу, принесло бы остров Фальстер.

– Нам не нужен...

– Сначала этот остров, а ваши исконные земли были бы возвращены немногим позднее, – прервал я лютича. – Врага лучше бить частями, сам ведаешь. Впрочем, это все равно не получилось. В Польше нехорошая суeta, они явно готовятся нанести удар. Не по Руси, а по вам, венедам. Поэтому надо решать.

– Надо бить врага!

Горяч Ополенный. Вот почему венеды постоянно посылают на важные встречи и в качестве посланников именно таких своих представителей? Наверное, и впрямь считают, что именно так нужно действовать. Эх, извивы психики людской, до чего же вы бываете замысловаты.

– Бить надо, бить будем, – подключился Магнус, видя, что лютичский князь находится в излишне... возбужденном со-

стоянии. – Конунг Хальфдан о том речь ведет, что можно дожидаться удара поляков, ударив после, или предупредить их удар. Везде свои сильные и слабые стороны найти можно.

– Мы готовы ударить после или ударить до. Как скажет Хальфдан Киевский, так оно и будет, – басом прогудел Витовт. – Воины наняты, плата щедрая. Но и добычи богатой хочется.

– Это вы наняты, а мы...

Будимир столь неожиданно прервался, что я в первый момент подумал, не подавился ли воздухом эмоциональный князь. Ан нет, это всего лишь Гюрята Молчальник одним лишь жестом заставил ретивого венеда заткнуться. Вот уж точно Молчальник. По-иному и не скажешь. Одним жестом не просто заткнул венеда, но еще и окоротил. Ведь продолжил тот, заметно успокоившись.

– Германцы ведут свои войска. Это беспокоит.

– В Данию, по договору со Свеном Вилобородым. Теперь он их вассал.

– От южного рубежа данов до наших земель...

– Это только так кажется, – улыбнулся я, вспомнив сложившуюся к нынешнему моменту ситуацию. – Если имперские войска покинут датские земли, Свен криком изойдет, требуя их вернуть. Он боится потерять свой трон, ведь кораблей у данов почти не осталось, заморские земли вот-вот окончательно покорятся правителю Норвегии Хакону Могу-чему. Зеландия заперта нашими драккарами, и скоро союз-

ные войска высадутся на берега этого острова не просто так, а чтобы больше не уйти оттуда.

– Датский уже почти не король смирился с потерей островов. Или скоро смирится, – добавил Магнус, то вытаскивая из мешочка на поясе несколько рун, то бросая их обратно. Явно с богами советовался, не теряя меж тем нить ведущейся беседы. – Воины все на «большой земле», казна и оружие тоже. Нет, он не отпустит союзников далеко от себя, побоятся наших драккаров и хирдманов, что могут высадиться с них неподалеку от града Орхуса, где он находится. Страх гложет его кости. Тот страх, который ведом тем, кто предал то, во что верил.

– Ведь идут не простые завоеватели, – промурлыкала Софья. – На знаменах лики богов Асгарда.

– Тех самых, от которых он...

– Отрекся, сестрица.

– Предал, сестренка.

– Точно.

Жрицы Лады ведали о чем говорили. Малое число девушек из этой очень своеобразной разведслужбы находилось и в Дании. Там они не делали никому серьезных гадостей во избежание раскрытия своей сути. Просто смотрели, именно это сейчас требовалось. А о рассмотренном и подсмотренном-подслушанном-выведанном оповещали вышестоящих. Те, в свою очередь, уведомляли меня.

В датских землях и впрямь было... грустно и боязливо.

Для тех, вестимо, кто сейчас этими землями правил. Как ни крути, а с «войной за веру» они столкнуться не ожидали. Равно как и с тем, что опереться по полной на обычных бондэров получится... не полностью. Аукнулось выкорчевывание старой веры огнем и мечом, сильно аукнулось.

– Тогда мы...

– Именно, Опаленный, – кивнул я, поднимая недосказанное. – Для начала ударите по Сединье и Щецину, мы же постараемся, не теряя времени под стенами, взять Хелмно, Староград и, вполне возможно, Гданьск.

– А... старый Йомсборг?

Ишь на что Будимир-то облизывается! Хотя не он, конечно, а верхушка Венедского Союза. И я их вполне даже понимаю, но есть один нюанс.

– Йомсборг укреплен так, что быстро вам его не взять. Отсеките крепостные войска, чтобы те вам не досаждали, и все на этом. И вот еще. Атакуйте примерно половиной своих сил, вторую держите наготове на случай наступления со стороны имперцев. Маркграфы даже без приказа от императора могут попробовать вас на крепость.

– Что потом, князь Хальфдан?

– Потом то, о чем уже не раз говорилось, – ответил я лютичу. – Отсекаем все Поморье от Польши, только и всего. Санток, Велен, Южцы, Накло... Как только будут взяты еще и эти города, можно считать, что князь Мешко Пяст сел в большую и дурно пахнущую лужу посреди скотного двора.

Ну а что Поморье вернется венедам, а Помезания – пруссам, то всем ведомо. С остальными же землями... Решим, никого не обидев.

Тут спорить не стали ни Будимир, ни Витовт. Оба они понимали, что исконные земли – это дело понятное. Их возвращать владельцам. Что же до остального, так ведь и их киевские союзники не просто так в войне участвуют. Только свои со своими всегда договорятся, тем более, что доверие худо-бедно наработано.

На том можно было и закончить, но внезапно распечатал свои уста Гюрята, сказавший:

– О мирском слова сказаны, теперь о духовном. И с теми, кто к богам ближе.

После чего выразительно так посмотрел на Будимира с Витовтом. И почти сразу эти двое матерых вояк как-то ступшевались и бочком-бочком слились куда подальше, едва успев попрощаться. Хотя Витовт, собственно, никуда и не денется, его пруссам совместно с нами действовать придется.

Итак, помимо меня и Гюряты остались лишь Магнус да сестры-затейницы, которые, как ни крути, а тоже жрицами были. Впрочем, Молчальник посмотрел на них с этакой все-ленской тоской во взгляде, но понял, что по доброй воле эти красотки не исчезнут. А гнать пыльным веником вроде как нельзя.

– Череп великого князя и воина... Зачем?

– У почитателей распятого бога есть Орудия Страстей и не только. Истинные или ложные – то не столь важно. У поклоняющихся Аллаху – их Черный Камень в Каабе. Зримые воплощения Силы, в которые верят. А Святослава Великого у нас хорошо помнят. Живы еще те, кто стоял рядом с ним в битвах. Немногие, но все же. К тому же... Символ поражения стал знаком возвращения силы Руси. Те же печенеги, несколько племен которых были стерты со страниц мировой летописи, тому подтверждение.

Жрец Святовита едва заметно склонил голову. Судя по всему, мои доводы были восприняты благожелательно. Недолгое молчание и следующий вопрос. Столь же лаконично сформулированный.

– Поход под знаменами не правителя, а богов... Докуда?

– Недалеко. Я привык здраво оценивать имеющиеся силы. Глубоко уважаемый мною Святослав Великий на том и обжегся, а потом и вовсе сгорел. Слишком много хотел. Но он не один такой, были и до него, будут и после нас.

Едва уловимое движение руки жреца с Арконы. Понимаю. Так он сигнализирует о том, что ответа на вопрос, для себя достаточного, еще не получил. Молчальник и есть. Клятва у него такая, что ли, или просто так, особенности характера? Потом надо будет у Магнуса спросить, он наверняка знает.

– Бывшие венедские и прусские земли, кое-что от Польши и Дании. Обрушить «крест» уже не получится, только надломить. А делать это надо с умом, без излишних жертв. К

тому же... Сцепимся из-за тех земель, где они уже веками сидят, плохо будет и для нас. И не по той причине, о которой сразу можно подумать.

– И причина эта?

– Мусульманские халифаты, с которыми сейчас воюют испанские правители из Леона, Кастилии, Наварры и Барселонны. Халифаты враги куда опаснее, это совсем иная кровь, чужая нам до того, что и представить сложно.

– Аркона поддержит.

Твою же мать! Нет, слышать это я рад, но почему таким скудным числом слов надо обходиться? Думая, что на этом наш, хм, «разговор» окончен, я уже собирался вежливо попрощаться с Гюрятой, как он вновь заговорил:

– Оставьте нас с Хальфданом Мрачным. Жду.

О как! Похоже, что это еще не конец. Но вот что он мне хочет сказать такого, что не должны слышать другие? Ладно, сейчас и узнаю. Ведь против такого не возразил не только Магнус, но даже местами довольно склочные и ядовитые жрицы Лады. Просто в голосе Молчальника звучали такие Сила и Власть, что даже меня пробрало.

– Ты их видел, – не спросил, а утверждающе произнес жрец, когда все остальные удалились на достаточное расстояние.

– Кого? – аж опешил я, искренне не понимая, что он имеет в виду. – Я много кого видел. Выражайся яснее, жрец Сятовита.

– Их. Тех, кого мы называем богами, стремясь постичь и понять их сущность. Не отрицай очевидного. Я вижу. Кто?

– Не знаю, – решил я не увиливать. Да и убежденность в голосе жреца показывала, что он знает, о чем и о ком говорит. – Даже не поручусь, он это был или она. Тело было женское, но временно занятое.

– Чья оболочка? Она... может быть важна нам.

Кто бы сомневался. Носитель подобной сущности, пусть и кратковременный... Уверен, что понимающие люди, к числу которых Гюрята явно относится, могли бы много полезного получить из простых разговоров с таким человеком. И даже со мной бы кое-чем поделились, в таких делах кидать друг друга просто смерти подобно. Мало ли как все обернется. Только вот порадовать мне жреца нечем.

– Не получится. Нет в этом мире ни той сущности, ни даже телесной оболочки. То есть сама сущность, может, и есть, но кто ж ее знает. И искать тело, которое было использовано, не стоит. Бесполезно, на то мое слово.

Гюрята прикусил губу, на его лице проскользнуло явное разочарование. Не связанное со мной никоим образом. Просто возможность уплыла из рук, а это и впрямь было печальное для него и его сотоварищей известие.

– Тебе не назвали свое имя. То, под которым мы можем знать божество. Но какой след был оставлен? Как бы ты описал его... или ее? Те чувства, которое испытывало божество при разговоре? И сам разговор...

– Безразличное любопытство и желание понаблюдать над не умеющим плавать, которого бросили в воду. Но все по желанию этого самого брошенного. А сам разговор... Он должен остаться тайной. Уверен, что причины объяснять не стоит.

Жрец Святовита понимал, что в некоторые тайны лучше не лезть даже для него. Но вот попытки выжать еще что-то, что могло бы помочь ему опознать сущность, продолжил. Манера разговора, используемые жесты, скорость речи, выражение лица... И куда только делась молчаливость. Хотя... Здесь скорее была нелюбовь к разговорам, но сейчас большое количество слов было необходимо.

Наконец, Гюрята получил не все, что хотел, зато явно все, что мог в этой ситуации. Зато теперь и у меня был к нему вопрос. А раз так, то я, сроду не страдавший стеснительностью, его и озвучил:

– Часто ли случаются такие... разговоры?

– Очень редко. И все они в смутные времена или времена больших перемен. Но если наступает мгла, это не значит, что то или иное божество захочет поговорить.

– А спросить у них, обратиться с просьбой? Вы ведь, жрецы «с верхних ступеней пирамиды», умеете?

– Пирамиды... Их уже нет, есть лишь камень, а знающие уничтожены, – скривился Гюрята. – Обратиться к богам не так трудно. Сложнее получить ответ. И почти невозможно его понять. Рюрику подсказали. Хельги Вещий умел и сам

кое-что слышать. Быть может, сумеешь и ты. Или уже умеешь, но сам не понимаешь пока... Мы еще увидимся с тобой, Хальфдан Мрачный. Мрачный... Что ж, какое время, такие и прозвания у тех, кто обратил на себя взор божества. Разгони мрак, Хальфдан.

– Над миром?

В ответ на мое саркастическое замечание жрец вымолвил:

– Есть ли тебе дело до мира? Зато есть до Руси и тех земель, которые считаешь ей близкими. Над ними пусть мгла станет не такой густой. А мы поможем.

– Чем, жрец?

– Словом, может и советом. Не повтори ошибку Олега, Хальфдан. Я ухожу.

– Постой... Так что это было за божество?

– Не ведаю. Скажу остальным. Может, и пойдем. А может, и нет...

Все. Гюрята Молчальник поднялся с камня, на котором сидел, и мягким, стелящимся шагом пошел... куда-то. А спустя несколько секунд я понял, что едва-едва способен отслеживать направление его движения. Глаза словно сами собой смотрели куда угодно, только не в нужном направлении.

Гипноз? Воздействие на разум, чем-то с ним схожее? Не знаю, но однозначно хочу узнать. И еще больше мне хотелось бы этому научиться. Однако явно не здесь и не сейчас. Если вообще мне такое по силам.

А вот и Магнус. Он подошел, лишь когда удостоверился,

что Гюраты здесь больше нет. Подойдя же, произнес:

– Ну что, брат, теперь видишь, кто такие жрецы... Настоящие. Не чета мне.

– Впечатлен. Как ощущением силы, так и состоявшимся разговором. И да, он сказал, что Аркона нас поддержит. Словом и советом. Понять бы еще, что это значит.

– Может, и пойдем, – вздохнул побратим. – Только сейчас война нас ждет.

– Война ждать не будет... А к разговору о жрецах с Арконы, чувствую, еще вернемся.

Говоря это, я чувствовал, что так оно и есть. Сегодняшняя беседа просто не могла остаться без последствий. Всей своей интуицией, сейчас особенно обострившейся, я осознавал сей факт.

Глава 3

Июль (червен), 990 год, Хелмно

Жизнь никогда не устанет подкидывать нам новые и новые впечатления. В этом я вновь убедился тогда, когда наше войско вышло к крепости Хелмно. Ведь что ни говори, а крепости брать мне так до сих пор и не довелось. Ведь даже при свержении князя Владимира Киев никто не штурмовал. Обошлось переговорами, потому как хотелось обойтись без лишней крови. Зато сейчас ни о каких переговорах и речи не шло.

Почему так? Хотя бы оттого, что за стенами крепости были те, кого даже с очень большой натяжкой нельзя было называть не то что друзьями, а даже нейтралами. Поляки из числа тех, что прочно и окончательно легли под Рим, да еще активно и с удовольствием подмахивали своим новым хозяевам. Языческая же часть населения, не без нашего активного участия, за последние годы была вытянута в пределы Руси и расселялась на южных и восточных рубежах.

А еще сама крепость. Мощная, с семнадцатью крепостными башнями полукруглых и прямоугольных форм, с установленными там боевыми машинами. Да и крепостная стена тоже не была беззащитной. Большие зубцы, бойницы для стрелков и крепостных стрелометов, дым от костров, на которых подогревались емкости со смолой и маслом. В общем,

в Хелмно были готовы дать отпор.

Эх, такие крепкие места лучше всего изгоном брать, но не судьба. Напасть неожиданно можно лишь тогда, когда противник хлопает развесистыми ушами, ничего не подозревая. Не наш случай. Да и конницы у нас почти не было, она большей частью под рукой Карнаухого, который до недавнего времени сидел себе в Искоростене, и ожидая команды. Поэтому, когда наше войско, вобрав в себя отряды пруссов-наемников, разделилось на три неравные части и двинулось к трем целям-крепостям, у тамошних войск было достаточно времени на меры противодействия.

Где-то они, меры, были правильные, а где-то не слишком. В Гданьске и Хелмно все сделали верно, спору нет. То есть, узнав о том, что в их направлении движутся неслабые силы противника, сбивая на своем пути малые отряды и разоряя селения и малые городки, поляки стянули имеющиеся силы, свезли нужные припасы и сели в осаду.

Зато староградский воевода, Збигнев Рутильский, проявил тот самый шляхетский гонор, о котором так много говорили и писали с давних времен и вплоть до моего родного XXI века. Ах сюда приближаются какие-то там варвары из прусских лесов? Плетью разгоним! Что, с ними еще и часть войска князя Киевского движется? Так я и это превозмогу. Особливо вооружившись благословением христианских священников и ну просто огромным самомнением.

Вооружился, так сказать. И не просто вывел из Старогра-

да большую часть войска, оставив только-только для стояния на стенах, так еще и всех воинов из окрестностей под свою руку принял. А приняв, выкатился навстречу своей судьбе. Судьба же эта приняла облик трех тысяч хирдманов под командованием Свенельда и приданных им четырех с лишним тысяч пруссов. И вот на них он полез со своими неполными пятью тысячами, искренне веря в то, что имеющаяся у него кавалерия – три с половиной тысячи всадников – будет эффективна.

Ага, как только, так и сразу! Ведь если большая часть хирда шла пешим порядком, то это не значит, что дозорные тоже на своих двоих передвигались. Нет уж, они-то как раз были конные. Поэтому Свенельду хватило времени, получив известия о приближающихся поляках, приготовить им горячую встречу. Особенно коннице. Благо отработанные методики уже имелись.

Старый, добрый и очень надежный «чеснок», он всегда способен порадовать пользователя и огорчить тех, кто попробует его «на вкус». Особенно если заставить врага поддаться охотничьему азарту, выставив впереди «прочесоченной» территории отряд «застрельщиков». А на эту роль выбрали пруссов, поскольку поляки по непонятной причине относились к ним с заметным пренебрежением. Не все, но многие из тех, кто командовал. Загадка, да и только. Хотя следовало признать, что против конницы пруссы сражались так себе. На равнинах так себе, потому как в лесах они легко

и просто рвали сунувшихся туда поляков в клочья.

Приятно было узнать, что наемники не кочевряжились, когда узнали, что именно им предстоит делать. Поработать приманкой в ловушке? Что ж, наниматель платит деньги, да еще и хорошие. Значит, наниматель в своем праве. Особенно учитывая то, что отступление отряда-приманки тоже продумано.

Хорошо все получилось. Завидев немалый отряд пруссов, занимающий в общем построении место «головного полка», Збигнев решил стоптать его конницей. Благо пруссы слишком уж выдвинулись вперед. Он даже позаботился о своих флангах, укрепив их как конницей, так и пехотой. Да что там, даже дозоры вперед выслал, которые покрутились поблизости от пруссов, вернувшись... некоторым числом. Все же меткость стрелков еще никто не отменял. Но все его предосторожности разбились о ту самую простую военную хитрость.

«Чеснок» был рассеян не в отдалении, а прямо перед головным отрядом. С трех сторон, чтобы исключить и сносящий все удар с флангов. Вот такой нюанс, который обрекал вражескую кавалерию на немалые потери, но одновременно не полностью защищал сам отряд-приманку. Все же часть всадников, да на скорости, непременно должны были проломиться через заросли «чеснока», как бы густо его ни разбрасывали. Передние ряды, в него вляпавшиеся, одним этим фактом будут создавать прорехи.

Так и случилось. Атака поляков в конном строю захлебнулась, но и головной полк сильно помяли. Зато потом... Строй трех тысячных хирдов при поддержке пруссов, которые со строем ладили не особенно, перемолол лишившихся лошадей всадников, а по беглецам залпами отработали арбалетчики, поубавив число поляков. Затем оставалось только добить польскую пехоту, которая просто не могла отступить с достаточной скоростью.

Результат... Пехота поляков полегла почти вся. И конница поубавилась числом где-то на тысячу, может, немногим меньше. Оставшиеся же, немилосердно нахлестывая коней, ушли в направлении Старограда. В общем, пан Збигнев Рутильский получил даже не щелчок по носу, а сокрушительный удар подкованным сапогом по яйцам. Дескать, вроде бы и жив остался, но почему-то голос стал тонкий-тонкий, да и девочки любить перестали. Метафора, конечно, но суть произошедшего неплохо отражающая.

Про моральный дух как войска, так и собравшихся внутри староградских крепостных стен и вовсе говорить не стоило. Какой уж там дух, когда из войска, вышедшего за стены с целью быстро и показательно разгромить «зарвавшихся язычников-дикарей», возвращается лишь чуть больше половины, да к тому же рассказы о поражении навевают на дурные мысли. Враг же потери если и понес, то незначительные. В общем, в Старограде быстро воцарились тоска и печаль, столь губительные в преддверии прибытия под стены враже-

ских войск.

А войска прибыли. Без лишней спешки, но и не медля. Прибыв же, сразу стали готовиться к приступу. Грамотно обложили крепость со всех сторон, особое внимание уделив всем трем воротам. Ну и принялись переводить окрестный лес на штурмовые лестницы, передвижные щиты на колесах и прочие премудрости военной науки.

Свенельд, не так давно бывший всего лишь тысячником, но получивший повышение за успешные действия его тысячи в печенежской кампании, был... В общем, импровизировал так себе, зато по готовым шаблонам действовал грамотно и без тени сомнений. В этом он был чем-то похож на прусских генералов времен Фридриха Великого. На тех самых, которым нужно было заранее дать примерный план и возможные варианты развития событий. А уж получив такого рода указания, те горы сворачивали.

Вот и этот варяг еще из того, старого, переяславского хирда, нуждался в направляющей руке на начальном этапе. Нуждался... и получил. При нашей последней с ним беседе разбирались – точнее освежались в памяти – несколько десятков возможных шаблонов. Ну а про штурм Старограда и говорить нечего. Он был досконально разобран еще раньше. Слишком важная крепость, чтобы не подготовиться к ее взятию заблаговременно. Да и козырь у Свенельда имелся такой, что куда там «тузу», скорее можно было сравнить его с глумливой ухмылкой «джокера».

И этот самый козырь был применен Свенельдом почти сразу, едва только была приготовлена вся осадная техника. Сразу же начали работать камнеметы, только металы они не камни, а глиняные ядра с «греческим огнем» внутри. Само собой, уже горящие, чтобы, разбиваясь при приземлении, поджигали все вокруг себя. Паника, отвлечение внимания, необходимость для находящихся за крепостными стенами срочно заняться тушением пожаров. Тех, которые в начальной стадии водичкой не зальешь, только землей забрасывать. А это куда как хлопотнее.

Хороший метод отвлечения внимания хотя бы части защитников. Плюс обстрел из мощных стрелометов, да и про обычных арбалетчиков, перестреливающих с городскими стрелками под прикрытием окованных железными полосами передвижных колесных щитов, тоже забывать не стоило.

Но главную роль в начавшемся приступе должны были сыграть три неспешно ползущих к крепостным воротам порока, целью которых, по всеобщему мнению, должно было стать выбивание крепостных ворот. Дело медленное, с отнюдь не гарантированным результатом, но такой ход использовался практически всегда. Обслуга порока раскачивает подвешенное на канатах бревно с окованным железом концом, раз за разом ударяя в закрытые ворота. Вдруг да получится!

Только и защитники никогда не дремлют. Сверху, на крышу боевой машины, вбрасываются камни и бревна в надеж-

де проломить защиту. Льют масло и смолу, после чего поджигают, надеясь, что пламя справится с мокрой древесиной. Чаще всего именно так и случается, хотя и не сразу. Ну а обслуга разбегается, пытаясь уцелеть, добежать до укрытий. В общем, если не получается довольно быстро проломить ворота – порок или сам откатывается, или же его гребят.

Вот только на сей раз план был немного другим. Один из пороков нес внутри себя, помимо обычного бревна, которое было так, отвлечения внимания ради, еще и другой груз. Пара бочонков пороха, того самого, из первой партии. Первые селитряницы были заложены немногим более двух лет тому назад. И чуть менее двух лет нужно было для того, чтобы они «созрели», то есть образовались собственно частицы необходимой для производства пороха селитры. Разложившуюся «селитрянную землю» извлекали, промывали водой, после чего жидкость выпаривалась и остужалась. И уже в остуженной жидкости, на дне, появлялись необходимые кристаллы.

Выход продукта? Четыре или пять килограммов на целый кубометр земли из селитряницы. Немного, спору нет. Но по-иному никак.

Зато результат – тот самый порох, пригодный не только для стрельбы из пушек – которых пока еще толком и нет – но и для использования вот таким манером. Что ни говори, а пара бочонков, заложенных у крепостных ворот, они вполне в состоянии вышибить эти самые ворота к ангельской бабушке. Уж сделать в них большую дыру точно.

Впрочем, емкости, в которых находился порох, назвать бочонками как-то и язык не поворачивался. Скорее их можно было обозвать петардами. Представляли они собой этакое большое железное ведро, а точнее усеченный конус, которое было под завязку набито порохом, а сверху закрыто несколькими слоями плотной ткани. Затем эту самую емкость прикрепляли «открытой» частью к крепостным воротам, поджигали фитиль и... ждали, когда случится «большой бум».

Лично я не видел, но вестники, прискакавшие от Свенельда, в подробностях рассказали, что случившееся впечатлило ничуть не менее, чем «греческий огонь». Неудивительно, ведь когда находящиеся внутри порока прикрепляли начиненные порохом петарды в нужные места на крепостных воротах и подожгли фитиль, то не стали ждать неминуемой смерти. Резко бросились в сторону передвижных щитов. Ушли, понятное дело, далеко не все, лишь четверо из десятка. Ну так и шли на это дело исключительно охотники, безбашенные и отмороженные.

А затем был грохот, какого этот мир еще не слышал. И разлетающиеся обломки собственно порока и ворот, в которые он упирался. И если наши воины были предупреждены, то вот для поляков взрыв был... очень неприятным сюрпризом. Шок, замешательство, непонимание происходящего.... Наверняка некоторые подумали, что «мерзкие идолопоклонники» призвали своих нечестивых богов или вовсе демонов. Правда стоило отдать полякам должное, никто от страха го-

лову не потерял и спастись не бросился. Но хватило и того временного периода, когда немалая часть защитников приходила в себя.

Бросок вперед плотного строя, прикрывшегося щитами со всех сторон, включая верх. Затем пробраться в частично разбитые ворота и броситься на захват надвратной башни и прилегающих участков стены. Все это под прикрытием резко активизировавшихся арбалетчиков и стрелометов. А дальше... дальше дело техники. Когда взяты ворота, башня и участок стены, да и при численном превосходстве нападающих над обороняющимися раза в два... Плюс низкий уровень морали, о коем тоже забывать не стоит.

Так что дальше были городские бои. Ожесточенные, выматывающие, несущие немалые потери с обеих сторон. Но Староград был уже обречен.

Пруссы-наемники творили нечто запредельное. Да, строй они держать толком не умели. Но вот в лесу или городских боях ситуация менялась. Боевое безумие, звериная жестокость в бою и понимание того, что с падением города будет богатая, крайне богатая добыча. Да и про милую привычку пруссов добывать себе женщин из числа пленниц тоже забывать не стоило. Все же про их диковатость не зря многие говорят, ой не зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.